

С (Тыва)

У 49

УЛУГ-ХЕМ

№3

2014

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

К столетию единения

России и Тувы

16+

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

Основан 25 августа 1946

Главный редактор Эдуард Мижит

№3 (81) 158

КЫЗЫЛ — 2014

Общественная редколлегия:

А.А. Даржай, Ч.Ч-Д. Ондар, А.С. Бегзин-оол, Л.С. Мижит,
И.П. Принцева, С.М. Ондур, Л.Х. Ооржак, С.С. Монгуш.

Главный редактор Эдуард Мижит.

Учредители журнала:

Министерство культуры РТ, коллектив государственного автономного учреждения РТ «Редакция журнала «Улуг-Хем».

Журнал зарегистрирован в Тувинской Республиканской инспекции по защите свободы печати и массовой информации. Рег. № Т — 00028.

М 4702580600 без объявл.
24-13-2004

РОССИЯ И ТУВА — ВМЕСТЕ 100 ЛЕТ!

Уважаемый читатель! Такое историческое событие, как 100-летие единения России и Тувы, не может не найти соответствующего отражения на страницах нашего журнала. Ведь с момента единения, начало которому было положено в 1914 году с установлением протектората России над Тувой, Тува пошла по новому пути всестороннего развития, в том числе и культурного строительства. Покровительство России благотворно сказалось и на зарождении тувинской литературы, претерпевшей мощное влияние великой русской литературы. Благодаря этому влиянию молодая литература стремительно прошла путь становления и развития, и всего за два-три десятилетия в ней появились поэты, прозаики и драматурги очень высокого уровня, ставшие классиками тувинской литературы. И это непреходящее влияние и по сегодняшний день позволяет развиваться современной тувинской литературе. Тувинские писатели — и известные, и совсем молодые — неустанно переводят на родной язык классические и современные произведения русской литературы.

Для того чтобы придать новый импульс этому столь важному для взаимопроникновения культур и взаимопонимания народов роду деятельности и пополнить копилку новыми переводами, Союзом писателей Тувы при поддержке Министерства культуры Республики Тыва в 2014 году был объявлен республиканский конкурс художественного перевода на тувинский язык русской поэзии и малой прозы. Конкурс был посвящен 100-летию единения России и Тувы. В нем приняли участие как маститые, так и молодые переводчики. Выбор авторов и произведений по условиям конкурса был оставлен на усмотрение самих переводчиков. В результате, после тщательного и объективного рассмотрения поступивших работ членами жюри, лауреатом первой степени в номинации «перевод русской поэзии» всем на удивление был признан молодой писатель, член Союза писателей Тувы Салим Монгуш. Лауреатами второй степени стали член Союза писателей России Василий Монгуш и Народный писатель Республики Тыва Николай Куулар. Лауреатом третьей степени

стал Народный писатель Республики Тыва Черлиг-оол Куулар. В номинации «перевод русской прозы» лауреатом первой степени признана член Союза писателей России Мария Кужугет. Лауреатом второй степени стал член Союза писателей России Менги Ооржак, а третье место поделили между собой известная поэтесса Лидия Ооржак и Салим Монгуш.

В текущем году был проведен также республиканский литературный конкурс среди молодых писателей, где опять отличился Салим Монгуш. По решению жюри он стал лауреатом первой степени. Лауреатом второй степени стала молодая поэтесса, член Союза писателей Тувы Шончалай Мааты-оол. Третье место поделили Вадим Чыкай и Шончалай Иргит.

Необходимо отметить, что молодого поэта, драматурга и переводчика, редактора литературной части Тувинского Национального театра Салима Монгуша, а также поэтессу, заведующую отделом экономики республиканской газеты «ШЫН» Шончалай Мааты-оол можно считать находкой последних лет. Они регулярно участвуют в республиканских конкурсах, в которых становятся лауреатами и по праву признаются перспективными писателями своего поколения. Их успешное творчество наряду с такими молодыми авторами, как Шолбан Монгуш, Алдынмай Саган-оол, Игорь Принцев, Виталий Петров, Вадим Чыкай, Юрий Даваа, Чаяана Чыкай, Шончалай Иргит и другие, вселяет в нас уверенность, что на смену зрелым мастерам подрастает достойное поколение.

Возвращаясь к теме единения России и Тувы, я с радостью сообщаю, что в числе других, ранее запланированных, произведений, в этот номер журнала вошли произведения русских поэтов с параллельными переводами на тувинский язык, осуществленные победителями республиканского конкурса. Двухязычная публикация данных произведений была задумана изначально, т.е. еще до объявления начала конкурса. Таким образом, читатель получит возможность не только насладиться стихотворениями русских поэтов и их переводами, но и сравнить их и вынести свое суждение о каждом переводчике, т.е. о том, насколько точно и художественно удалось ему передать мысли и чувства, систему рифмовки и неповторимое дыхание оригинала.

В этом номере журнала представлена также статья кандидата филологических наук, доцента кафедры литературы ТувГУ Елены Ослиной, посвященная творчеству основоположника тувинской литературы, автора бессмертных переводов на тувинский язык «Евгения Онегина» Пушкина и «Ромео и Джульетты» Шекспира,

Народного писателя Тувы Сергея Пюрбю, 100-летие со дня рождения которого в прошлом году отмечала вся Тува. Это исследование, на мой взгляд, по своему духу рифмуется с посвящением этого номера.

Итак, от всей души поздравляя Вас со 100-летним юбилеем единения России и Тувы, предлагаю Вам отправиться в приятное путешествие по миру русской и тувинской литературы!

С уважением,
Э.Б. Мижит, главный редактор журнала «Улуг-Хем»,
председатель правления СП Тувы

Александр БЛОК

* * *

Не презирайте, бога ради,
Меня за мысли и мечты,
Когда найдете их тетради
И пожелтевшие цветы.

Когда умру, прошу вас, дети,
Сложить к безжизненной груди
Останки жизни грустной эти —
И с ними в гроб меня снести.

Когда-нибудь мои потомки,
Сажая вешние цветы,
Найдут в земле костей обломки
И песен желтые листья.

МОЕЙ МАТЕРИ

Я — человек и мало богу равен.
В моих стихах ты мощи не найдешь.
Напев их слаб и жизненно бесславен,
Ты новых мыслей в них не обретешь.

Их не согрел ни гений, ни искусство,
Они туманной, долгой чередой
Ведут меня без мысли и без чувства
К земной могиле, бедной и пустой.

Александр БЛОК

Салим МОНГУШТУҢ очулгалары

* * *

Саргаргылаан чечектерлиг
Кыдырааш тып алзыңарза,
Сагыш-бодал, күзелим дээш
Кыдыглавайн, өршээп көргер.

Өйүм келир, чаңгыс дилээм:
Хөңнү муңгак ол бок-биле
Өлгөн мөчүм камныг шуглааш,
Хөөржүдүңер, ажы-төлүм.

Часкы бир хүн салгалдарым
Ынай чечек тарып тургаш,
Шаараш сөөгүм саазын энчээ —
Ырыларны тыпкылап аар.

АВАМГА

Ыдык мөңгө бурган эвес, кижидир мен.
Шүлүктерим хей-аът киирер күжү-даа чок.
Ырларымның аялгазы дыңзыг эвес, —
Чүзүн-баазын чаа бодал оларда чок.

Тулган угаан, уран чүүл-даа оларда чок.
Сеткил-хөөн-даа, бодал-даа чок олар мени
Туманналган узун төнмөс оруу-биле
Черде бөдүүн, куруг хөөрже аппарат чорлар.

О, если б мог я силой гениальной
Прозреть века, приблизить их к добру!
Я не дал миру мысли идеальной,
Ни чувства доброго покорному перу...

Блажен поэт, добром проникновенный,
Что миру дал незыблемый завет
И мощью вечной, мощью дерзновенной
Увел толпы в пылающий рассвет!

* * *

Пусть светит месяц — ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, -
В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.

Ночь распростерлась надо мной
И отвечает мертвым взглядом
На тусклый взор души больной,
Облитой острым, сладким ядом.

И тщетно, страсти затая,
В холодной мгле передрагсветной
Среди толпы блуждаю я
С одной лишь думою заветной:

Пусть светит месяц — ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, —
В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.

* * *

Давно мы встретились с тобою, —
То было летом. Ночи зной
Манил в аллеи за собою
И звал любить и жить с тобой...

Дээди туураан турган болза, үе-шагны
Өтгүр көрүп, кежик-чодду эркээр ийик мен.
Делегейге буянныг сөс сөглөведим,
Өңнүүм бийир эки сеткил сөңневеди.

Өртемчейге элөп-читпес чагыын бергеш,
Эрес-дидим соруу-биле өргүн чонну
Өрт дег кыпкан даң-хаяаже эдертпкен
Энерелдиг шүлүкчү-ле чыргалдыг оң!

* * *

Ай чырыырга-даа — дүн дөмей караңгы-дыр.
Амыдырал кижилерге эки-даа бол —
Хөңнүмейде ынакшылдың часкы өйү
Хөлзөп-дүймээн бораңымны солувас-тыр.

Чаагай, чидиг хоран төккөн, шаг чок, аарыг
Сагыжымның бүлүрерген көрүжүнге
Харыы кылдыр өлүг караан чиге кайгап,
Караңгы дүн кырымда бо бүргөп келди.

Хей-ле черге, күзелдерим чажырыпкаш,
Херелдиг даң адып кээрин үр-ле манап,
Көвей улус аразынга улчуп, тояап,
Хөрээм өйгөн чаңгыс бодал бодап чор мен:

«Ай чырыырга-даа — дүн дөмей караңгы-дыр.
Амыдырал кижилерге эки-даа бол —
Хөңнүмейде ынакшылдың часкы өйү
Хөлзөп-дүймээн бораңымны солувас-тыр».

* * *

Сээң-биле үе-дүпте душкан ийик бис —
Ынчан чай-ла болгай, эжим. Дүннүң изии
Сесерликче бисти кый деп, чүгле сеңээ
Ынак бол деп, сээң-биле чуртта диди.

С тех пор прошли года. Забыты
Мгновенья страсти. Чудный свет,
Где мы цвели, далек, — и смыты
Воспоминанья юных лет.

Теперь зима. Дыханье юга
От нас сокрыто холодной мглой,
Но ты, далеких дней подруга,
Манишь, как прежде, за собой...

Возьми меня опять с собою,
Верни утраченное мной,
И верь, я буду жить тобою
И умирать с тобой одной!..

СМЕРТЬ

Прислушайся к земле в родных полях:
Тебя овеет чуждыми странами,
Но вместе родственный обнимет некий страх:
Ты ощутишь шаги, следящие за нами.

О, друг мой, не беги родной своей земли,
Смотри: я жду таинственной прищипы,
И каждый час могу следящую вдали,
Но близкую всегда, принять в мои темницы.

* * *

Отрекись от любимых творений,
От людей и общений в миру,
Отрекись от мирских вожделений,
Думай день и молись ввечеру.

Если дух твой горит беспокойно,
Отгоняй вдохновения прочь.
Лишь единая мудрость достойна
Перейти в неизбежную ночь.

Чылдар эрткен. Хандыкшылдың кыска өйү
Шагда читкен, уттундурган. Чечектиг ол
Чырык оран ырай берген. Чалыы шаавыс
Сактыышкынын үе-чалгыг балап каапкан.

Харлыг кыш ам. Чылыг чүктүң тыныштары
Соок дүңнүң ыржымында хөмдүрген-дир.
Харын сен-не, ырак үем даңгыназы,
Сорунзалап, биеэги дег кый деп чор сен...

Эдертип ал, дилеп тур мен, мени кагба,
Ышкынганым бүгү чүүлүм эгидип бер,
Эргим эжим, чүгле сеңээ, бүзүрөп көр,
Ынак боор мен, сээң-биле өлүр-даа мен!..

ӨЛҮМ

Төрээн ховуң черин таптыг дыңнап көр даан:
Бир-ле өске оран хады сенче хадыыр,
Төрөлдөшкөк дүвүрээзин кужактаптар:
Бисти сүрген базымнарны билип каар сен.

Ынак өңнүк, чуртуң кагба, мени көр даан:
Кайгамчык бир чажыттыгны манап чор мен.
Ырак-даа бол, кезээде чоок ол аалчыны,
Кажан-даа бол, казанаамче кирип аар мен.

* * *

Чогаадып каан бүгү ынак чүүдериңден,
Күткүүшкүннүг өртемчейден ойталап чор,
Сорунзалыг күзелдерден ойталап чор,
Хүндүс бодан, кежээлерде мөргүп чору.

Чүлдү-чүрээң амыр-дыш чок кыва берзе,
Чалгынналган бодалдарны ойладыыт.
Чүү-даа эвес, чүгле өндүр мерген угаан
Чайлаттынмас дүнче шилчиир төлөп-чолдуг.

На земле не узнаешь награды.
Духом ясный пред божьим лицом,
Догорай, покидая лампаду,
Одиноким и верным огнем.

* * *

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В закодированной области плача,
В тайне смеха — позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабьих трудов!

И встречаю тебя у порога —
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем бога
На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда не откроешь ты плечи...
Но над нами — хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Все равно: принимаю тебя!

Чуртталгадан шаңнал манап чорааш чоор сен,
Чаяакчыга чырык хөңнүң өргүп берип,
Чулазындан адырылган хензиг от дег,
Чааскаанзыргай, шынчы хевээр, төндүр хып каг.

* * *

Ужу-кыдыы, төнчүзү чок кайгамчык час,
Кызыгаар чок, эрик-даа чок өндүр күзел!
Уткуп хүлээп, танып тур мен, амыдырал!
Кыңгырт кынныр доскууш-биле мендиледим!

Аштырышкын, сени база уткуп тур мен!
Тергиидээшкин, сеңээ база амыргын-на!
Ажыг чаштың, каткының-даа чажыртынган
Делегейи бужар эвес — ыдык, арыг!

Карактарда хөггөш ышкан көрүжүмнү
Часкы үе аартыр өйүп, эзиртсин дээш,
Караңгылыг соңгаларже аткан даңны,
Чалданыш чок маргыштарны хүлээп тур мен!

Кударалдан ээнзирээн суурларны,
Кудуктарлыг хоорайларны хүлээп тур мен!
Кудай-дээрниң чырып келген делгемнерин,
Кудданыглыг аар ишти хүлээп тур мен!

Чыгырылдыр ызырныпкан соок кадыг
Эриннерим Бурган адын шыгжап чорлар,
Чыланнар дег чаъжым дүгү шуурганнап тур,
Эргинимде сени манап, уткуп тур мен.

Кадыг-дошкун демиселче шургуп киргеш,
Камгалалым, чүү-даа болза, октавас мен...
Кажанда-даа эгиннериң ажытпас сен...
Харын чүгле чүглүг күзел бистен бедик!

Хире-шаамны, адаанымны хемчээп тур мен,
Каргаза-даа, чанныза-даа, ынак-тыр мен:
Хилинчээм дээш, өлүмүм дээш — билип тур мен —
Канчаарга-даа, сени дөмей хүлээп тур мен!

* * *

И я любил. И я изведал
Безумный хмель любовных мук,
И пораженья, и победы,
И имя: враг; и слово: друг.

Их было много... Что я знаю?
Воспоминанья, тени сна...
Я только странно повторяю
Их золотые имена.

Их было много. Но одною
Чертой соединил их я,
Одной безумной красотой,
Чье имя: страсть и жизнь моя.

И страсти таинство свершая,
И поднимаясь над землей,
Я видел, как идет другая
На ложе страсти роковой...

И те же ласки, те же речи,
Постылый трепет жадных уст,
И примелькавшиеся плечи...
Нет! Мир бесстрастен, чист и пуст!

И, наполняя грудь весельем,
С вершины самых снежных скал
Я шлю лавину тем ущельям,
Где я любил и целовал!

ПОЭТЫ

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, — и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

* * *

А мен база ынак чордум. Ынакшылдың
Дашказында аак-кээкти база иштим.
Аштырыышкын, тиелелгени четтирдим-даа,
«Дайзын» деп ат, «эш» деп сөстү база билдим.

Олар көвей турду, ийе... Билир чүвем —
Читкен дүштер хөлегези, сактыышкыннар...
Оларның ол алдынналган аттарын-на
Чиктиим сүргей катаптап-ла чоруур-дур мен.

Олар көвей турду, ийе. Оларны ам
Чаңгыс дөмей шынар-биле дизигледим,
Оңчок бедик чараш чүүлдүң ады-биле —
Чалбыыш-хөңнүм, чуртталгам деп адап кагдым.

Халыын-оттуң чажыт саңын салып тура,
Кара черден адырылгаш, бедип ора,
Хайлыг күзел дөжээндиве өскезиниң
Катап база кире бээрин көрүп чордум...

Эргижирээн эргеледиг, ол-ла сөстер,
Харамдыккан эриннерниң сирилээжи,
Эгениг чок эгиннер-даа хөөнге дегди...
Кандыг кончуг хоозун, арыг өртемчей боор!

Хөрээм долдур хөглээшкинни иштеп алгаш,
Көккүр харлыг, хая-даштыг шыпшыктардан
Хөлү эрткен ынакшылым кашпалынче
Көшкелиг бо ошкаашкыным углап тур мен!

ШҮЛҮКЧҮЛЕР

Улуг хоорай ужу-кыдыы тулаа-шыкка,
Чүстүг оят дег, ээн сууржук үнүп келген.
Уткушканда кыжырымак хүлүмзүржүр
Шүлүкчүлөр аңаа чурттап чораан иргин.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом;
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и прямо.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленялись со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, — хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно все это!..

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

Күжүр муңгак тулааларның кырын орта
Алдын хүн-даа хоозун черге чырып турган:
Хүннү бадыр шак ол суурнуң чиктиг чону
Арагалап, ажылдап-ла хүнзээр турган.

Эзирээнде, найбыралга даңгыраглап,
Дедир чаңнап, чиге сөстөп хөөрежирлер.
Эртенинде кузуп-кузуп, база катап
Дээктенипкеш, эдередин ажылдай бээр.

Элээн болгаш, үтектерден ыттар ышкаш
Үнгүлөп кээп, далай өьртүн бараадаарлар.
Эрткен кыстар алдын чаъжын сайгарып-ла,
Үзээргедир магадап-ла, шаанга кирер.

Сеткил чымчааш, алдын чүс чыл өйүн сактып,
Парлакчылар адын чыскаап, бактап кээрлер.
Чечекчигеш, булутчугаш эскерип кааш,
Баары ажып, сарынналып, ыглай бээрлер.

Шүлүкчүлөр ынчаар чурттап чораан улус.
Хүндүлүг эш! Олар ышкаш хүннүң-даңның
Шүүдеп турбайн, амыр-шөлээн чурттап каары
Күзенчиг-даа, белен-даа деп бодаар сен бе?

Адыр, өңнүк! Шыңгыы шиитпе, согур-дур сен!
Шүлүкчүнүң, дора дизе, чырык өйү,
Алдын чаъжы, булуду-даа, чечээ-даа бар —
Чүгле харын ол-ла бүгү сеңээ хааглы!

Сүрлүг түрлүг бодуң биле кадайыңга,
Хочугур куу хоойлуңга чоргаарлан даан,
Шүлүкчү ам ажык-делгем ижип тур, көр,
Хоойлу-дүрүм аңаа бөгүн эвээш деп бил!

Өлүр черим — херим кыдыы апарза-даа,
Түрээн мени амыдырал таптаза-даа,
Өндүр Бурган хары-биле мени шуглаан,
Дүвү мени ошкааны ол, бүзүрээр мен!

* * *

Я пригвожден к трактирной стойке.
Я пьян давно. Мне все — равно.
Вон счастье мое — на тройке
В серебристый дым унесено...

Летит на тройке, потонуло
В снегу времен, в дали веков...
И только душу захлестнуло
Серебристой мглой из-под подков...

В глухую темень искры мечет,
От искр всю ночь, всю ночь светло...
Бубенчик под дугой лепечет
О том, что счастье прошло...

И только сбруя золотая
Всю ночь видна... Всю ночь слышна...
А ты, душа... душа глухая...
Пьяным пьяна... пьяным пьяна...

* * *

Ты так светла, как снег невинный.
Ты так бела, как дальний храм.
Не верю этой ночи длинной
И безысходным вечерам.

Своей душе, давно усталой,
Я тоже верить не хочу.
Быть может, путник запоздалый,
В твой тихий терем постучу.

За те погибельные муки
Неверного сама простишь,
Изменнику протянешь руки,
Весной далекой наградишь.

* * *

Арагалаар бажыңда мен дүп-шаг болдум.
Пөкпедим-даа, эзирик мен — хамаан эвес.
Аксым-кежиин дүрген маңныг кошкан үш аът
Мөңгүн ышче ажытталдыр алгаш барды...

Талыгырже чидир ужуп, үе-шагның
Хөртүк харлыг дүвүндүвө дүжүп кирди...
Дагаларның баскан чери — мөңгүн дүмбей
Хөрек-чүрээм кымчылапкаш, чалгый шаапты...

Дүмбей дүнче чаштанчылар ужугуп тур,
Оттардан дүн, бүгү бо дүн чырып келди...
Дугаларда коңгулуурлар «аксың-кежиин
Олчаан чоруй барган-дыр» деп чулчурушту...

Чүгле харын алдын дериг хондур-дүндүр
Сеткилимге көстүп-ле кээр, дагжап-ла кээр...
Чүрээм, сен-не... хагдыныпкан чүрээм сен-не...
Сергээр ушчок сербээ-дир сен... сергээр ушчок...

* * *

Ырак черде хүрээ дег ак,
Кем чок хар дег арыг-дыр сен.
Ынаныш чок дүнелерге,
Кежээлерге бүзүрел чок.

Шылай берген сеткилимге
Оон ыңай идегээш чоор.
Шыпшың өөңче орай-даа бол,
Оожум соктап четкей-даа мен.

Өлүмнүг ол эриидер дээш,
Өскерликчи мени өршээп,
Өөдежокка холуң сунуп,
Өндүр часты шаңнап бээр сен.

* * *

Под шум и звон однообразный,
Под городскую суету
Я уйду, душою праздный,
В метель, во мрак и в пустоту.

Я обрываю нить сознания
И забываю, что и как...
Кругом — снега, трамваи, зданья,
А впереди — огни и мрак.

Что, если я, замороженный,
Сознания оборвавший нить,
Вернусь домой уничиженный, —
Ты можешь ли меня простить?

Ты, знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?

Иль можешь лучше: не прощая,
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?

* * *

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать еще не жившим.

И, глядя в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельный пожар!

* * *

Чаңгыс аайлаан чалгааранчыг шимээн-дааштыг
Кавыыргаан бо хоорай хөлзеп, шүүдеп турда,
Сактыр-бодаар чүвем-даа чок, дүвү-хатче,
Караңгыже, куругдува чоруп тур мен.

Медерелим удазынын үзе соккаш,
Эрткен-барган бүгү чүүлдү уттуп-тур мен.
Мени харлыг бажың, трамвай бүргеп алды,
Ээн дүмбей, хензиг оттар — мурнумда тур.

База катап ол-ла бүгээ алзывыткаш,
Медерелим удазынын үзе соккаш,
Бажыңымче чалгын сынык чанып кээр мен —
Мени билип, өршээп шыдаар ирги сен бе?

Ыракта бир сорулгаже орук айтыр
Чырыткыны билир кижиге сен-не харын
Ыры-шүлүүм, дүвү-хадым, дембээрелим,
Чыргал билбес дүмбейимни өршээр сен бе?

Канчап билир, аайым-биле өршээп турбайн,
Кокпазы чок малгаштыг дүн мени ам-на
Караңгыже эдертипкеш чорбас кылдыр,
Коңгаларым оттурганы дээре-дир бе?

* * *

Кижилерниң аразынга дириг болуп,
Көңгүс анаа, өлбээн-даа дег, мегеленип,
Хилээн чүрээм хайлыг ойнун чурттап безин
Көрбээннерге сөглээриниң бергезин аар.

Уран чүүлдүн бүлүрерген хаязынга
Амыдырал хайлыг өртү көзүлзүн дээш,
Угаан-сагыш казыргызын хөөннештирип,
Ал-ла ботту касканнап кээр, хинчектиин аар!

* * *

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.

Умрешь — начнешь опять сначала
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

* * *

Я коротаю жизнь мою.
Мою безумную, глухую:
Сегодня — трезво торжествую,
А завтра — плачу и пою.

Но если гибель предстоит?
Но если за моей спиной
Тот — необъятною рукою
Покрывший зеркало — стоит?..

Блеснет в глаза зеркальный свет,
И в ужасе, зажмуря очи,
Я отступлю в ту область ночи,
Откуда возвращенья нет...

* * *

Благословляю все, что было,
Я лучшей доли не искал.
О, сердце, сколько ты любило!
О, разум, сколько ты пылал!

Пускай и счастье и муки
Свой горький положили след,
Но в страстной буре, в долгой скуке —
Я не утратил прежний свет.

* * *

Караңгы дүн, кудумчу, фонарь, аптека.
Бүлүрерген, дүжүү-даа чок хензиг чырык.
Харын ам-даа чээрби беш чыл чуртгаарга-даа,
Бүгү чүве хевээр артар. Идегел чок.

Караш дээр сен — бүгү чүве дедир эглир,
Ам база хамык чүүлдер катаптай бээр:
Караңгы дүн, бырлаң доштуг ол-ла арык,
Аптека-даа, кудумчу-даа, чырыткы-даа.

* * *

Мөөрөп чалгаан чуртталгамны
Далашпайн чурттап чор мен:
Бөгүн — сергек өөрүп-хөглөп,
Даарта — ыглап, ырлап чор мен.

Хүнүм чедип келген болза,
Алгыг-делгем холу-биле
Күзүңгүнү дуглаан Кижиги
Артымда бо турза, канчаар?

Көрүнчүктүң чылчырыындан
Караам шимгеш, кортканымдан
Көрүнмейн, эглиишкин чок
Караңгыже шимеш дээр мен...

* * *

Эрткен-барган бүгү чүүлдү йөрөөп тур мен,
Эки чодду, шыны херек, сураваан мен.
Чеже катап ынакшыдың, күжүр чүрээм!
Чеже катап чалбыштаалдың, медезелим!

Аас-кежик, човулаң-даа сеткилимге
Аарышкылыг ажыг изин арттырган бол,
Бирде хөлзөп, бирде ыгыт чок чорзумза-даа —
Биеэги ол эрги чырыым менде хевээр.

И ты, кого терзал я новым,
Прости меня. Нам быть — вдвоем.
Все то, чего не скажешь словом,
Узнал я в облике твоём.

Глядят внимательные очи,
И сердце бьёт, волнуясь, в грудь,
В холодном мраке снежной ночи
Свой верный продолжая путь.

* * *

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастье твердишь, — который раз?

Что счастье? Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной глуши?
Иль мрачные, порочные услады
Вина, страстей, погибели души?

Что счастье? Короткий миг и тесный,
Забвеньё, сон и отдых от забот...
Очнешься — вновь безумный, неизвестный
И за сердце хватающий полёт...

Вздохнул, глядишь — опасность миновала...
Но в этот самый миг — опять толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится волчок!

И, уцепясь за край скользящий, острый,
И слушая всегда жужжащий звон, —
Не сходим ли с ума мы в смене пестрой
Придуманных причин, пространств, времен...

Когда ж конец? Назойливому звуку
Не станет сил без отдыха внимать...
Как страшно все! Как дико! — Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять.

А сен, өңнүк, хамык-ла чаа чүве-биле
Аажылап, хинчектээн дээш, мени өршээ.
Сөөлүнге дээр иелээн бис — шырайыңдан
Сөглеттинмес бүтү чүүлдү танып билдим.

Карактарым кичээнгейлиг көрүп чорлар;
Харлыг дүннүң чыккылаама соогунда
Хөртүктүг бол, бүзүрелдиг оруун часпайн,
Хөрээм шанчып, хөлзээн чүрээм соп-ла, соп чор.

* * *

Чылдар шуужуп, делегейлер ужуп эртти.
Куруг дээрниң дүмбей караа бисче көрдү.
Шылап-могаан, дүлейленген хөңнүм сен-не,
Кударап-ла, кежиинң чеже кыйгырар сен?

Кежик деп чүл? Имиртиңнээн арга-дашта,
Сесерликте кежээкиниң сериини бе?
Кедизи чок араганың, хандыкшылдың,
Сеткилдерниң кара, кемниг таалалы бе?

Кежик деп чүл? Кыска, дыкпыш үе-ле-дир,
Уттуушкун-дур, кавыыргалдан уйгу-дыш-тыр...
Хенертен-не оттуп кээр сен — билдинмес ол
Ужугуушкун сеткил-чүрээң сегирип аар...

Улуг тынгаш, көрүптер сен — айыыл чок боор...
Харын ынчан база катап иттирер сен!
Уг-шиг чокка бир-ле черже далажыксаан
Хамнаарак-даа шыыңайнып, бөөлдени бээр.

Чол чок чидиг азыгдан-на халбактанып, —
Девиденчиг шыылаан дааш-даа кулак уюк —
Чогаадып каан чылдагааннар, үе, черлер
Дескининде сээдеңнеп турбаан бис бе?

Кажан доктаар, төнер чүвөл? Анчыг ыытты
Эриденмейн дыңнаар харык кайда боор аан...
Хамык чүүлдүң коргунчуун аар! — Холуң сун, кай,
Эжим, өңнүүм! База катап уттуптаалы.

К МУЗЕ

Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священных,
Поругание счастья есть.

И такая влекущая сила,
Что готов я твердить за молвой,
Будто ангелов ты низводила,
Соблазняя своей красотой...

И когда ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый,
И когда-то мной виденный круг.

Зла, добра ли? — Ты вся — не отсюда.
Мудрено про тебя говорят:
Для иных ты — и Муза, и чудо.
Для меня ты — мученье и ад.

Я не знаю, зачем на рассвете,
В час, когда уже не было сил,
Не погиб я, но лик твой заметил
И твоих утешений просил?

Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звездами —
Все проклятье своей красоты?

И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого аи,
И любви цыганской короче
Были страшные ласки твои...

И была роковая отрада
В попираньи заветных святынь,
И безумная сердцу услада —
Эта горькая страсть, как полынь!

МУЗАГА

Бндынналган ырларыңның ханызында
Өлүм оштаан хайлыг, буктуг дыңнадыг бар.
Ыдык, арыг сагызынны дорамчылаан,
Өлчейни-даа таптай баскан бужартал бар.

Ханы күштүг сорунзаңга алзывыткаш,
Каржы сөстүг хопка-чипке үнүм кадып:
«Каазың-биле деңгерлерни дуурайладың,
Кара черже бадырдың» деп сөглөксээм кээр.

Бүзүрелди шоодарыңга, хенертен-не
Кырың орта шагда бир-ле көргеним ол
Бүлүреңнээн кызылымаар бора дээрбээң
Кыва бергеш, тода эвес чырый-ла бээр.

Каржы сен бе, эки сен бе? Кайыын келдиң?
Мерген чугаа дыка чиге сөглээн-не-дир:
Хары кижээ — Муза-дыр сен, хуулгаазын сен,
Меңээ болза — эрии-шаажы, човулаң сен.

Чырык хаяа адып турда, шаг чок чыткаш,
Аанакайын, чүге ынчан өлү бербейн,
Шырайыңны эскерип кааш, чүү дээш сенден
Аргалалды дилээн чоор мен, билбес-тир мен.

Сээң-биле дайзын боорун күзеп чордум,
Чүнү бодааш, чаражыңның бүгү хайын —
Чечектерлиг шөлдү, сылдыстарлыг дээрни —
Чүте меңээ хайырладың, харыылап көр.

Айбыл бүргээн коргунчуг сээң эргеледиң
Соңгу чүктүң дүнүнден-даа өштүг болду,
Алдын ай арагадан дыңзыг болду,
Согур дүрген ынакшылдан кыска болду.

Хайыралыг ыдыктарны таптаарыңга,
Сагыш-чүрээм мага ханып, таалай-ла бээр.
Кандыг кончуг бак, хайлыг өөрүшкү сен,
Чашпан ышкаш ажыг, чидиг хандыкшылым!

* * *

О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, —
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

КОРШУН

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг. —
В избушке мать над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. —
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

Бүгү чүүлдү мөңгөжидип,
Амы чокту амыжыдып,
Бүтпээн чүүлдү боттандырып,
Ажык-делгем чурттаксаар мен!

Амыдырал дүжү мени
Амдызында албыктырзын —
Ажырбас оң, эки бир хүн
Аныяк оол мынча дээр боор:

«Муңгак хөңнүн өршээлиңер,
Шынында ол — өске кижги.
Буян-кежик, хосталганың
Чырык сөңнээн төлү болгай!»

ДЭЭЛДИГЕН

Дээрбектерин дээрге шыйып,
Дээлдиген куш дескинип-ле,
Бржым шөлдү бараадап тур.
Ыглаан төлүн ааткан ие:
«Эмик бо, ма, эм че — деп тур. —
Эки дорук, үүлең чүкте».

Үе эрткен, дайын келген.
Үймээн үнген, суурлар хыпкан.
Ынак чуртум, бурун хевээр,
Ыглап алган чаражыңны.
Хөлзээн ие чеже ыглаар?
Хөөкүй куш ам каяа хонар?

Федор СЛЕПУШКИН

О С Е Н Ь

Непогода, ветер бурный, обложились облака.
Вянет все, везде мертвеет, и веселость далека.
В рощах пусто, — все умолкло, — птичек хоры не поют,
На лугах трава завяла, и гулять туда нейдут;
Там — стада мычат, обмокши от ненастливых дождей:
И пастух не заиграет на свирелочке своей.
Голубок, потупя носик, под застрехою сидит
И с подружкой легкокрылой в чисто поле не летит;
Утром холод, снег с дождями обрывает облака,
Странник дрогнет на дороге, в путь спеша издалека.
Лишь утихнет, с шумом, криком журавлей летят стада,
Извиваясь длинной лентой, поднялися за моря.
Убираются при вьюге звери в норы от зимы,
Волки алчные лишь воют, став добычи лишены.
Галки черные стадами по полям, кружась, кричат,
Иль, нахмурясь, по задворкам на плетнях они сидят!
Бедный житель осыпает ветху хижину землей, —
Для зимы себе готовит он убежище, покой!
Мрачна осень представляет старость, — бедность всех людей,
Всякой в пору испытает неизбежный жребий сей!

Михаил СУХАНОВ

ПЕСНЯ

Не велят Ване по улице ходить,
Не велят ему красавицу любить.

Вечор Ванюшка, задумавшись, сидел
И частехонько на улицу глядел.

Федор СЛЕПУШКИН

Василий МОНГУШТУҢ очулгазы

КҮС

Кара булут дээрни шыпкаш, хадып келген
Хамык бойдус куурарып оңуп калган.
Шыргай дөргүн ыржым барган — куштар этпес,
Шыкта сиген кадып калган, улус барбас.
Каш инек соксаал чокка эдип турган,
Кадарчының эдискизи ойнавастаан.
Ыжык черде көге-буга хонуп орган,
Ынаар, шөлче, эжи-биле ужуп үнмээн.
Соок эртен чаъс, харын холуй чааптар,
Чорумал оол чоорту шимчеп аьттаныптар.
Чыскаалыпкан дуруяалар эдип-эдип,
Чылыг чуртче углай ужуп чорупканнар.
Чамдык аңнар, кыш кээрге ижээнней бээр,
Чазый бөрү, чемиш чок дээш, улугулаар.
Кара тааннар ховуну эргээш, эдип-эдип,
Кажаага кээп хонуп алгаш, олургулаар!
Ядыы кижичи казанагын чылыглаар дээш,
Чадай-чадай довуракты эжип турар!
Күстүң айы дүжүп кээри билек, дораан
Күжүрлерниң салым-чолу катаптап кээр.

Михаил СУХАНОВ

Василий МОНГУШТУҢ очулгалары

ЫРЫ

Чалыы ол Ваняны дашкаар үндүрбес,
Чараш кыска ынакшыырын хоруп каан.

Кежээ дургаар Ванюша боданып каап,
Кезек-кезек кудумчуже көрүп орган.

Дожидался мила друга своего
И кручинился, не увидевши его.

«Ах, ужель меня сердечный друг забыл? —
Он, вздыхая, сам с собою говорил. —

Нет! Не хочет красоты своей казать!
Без меня она не хочет здесь играть!

Не выходит в резвый сельский хоровод,
Не вмешается в гуляющий народ.

Знать, ей скучно, знать, печаль одна со мной?
Ах! Скорее покажись, друг милый мой!»

ПЕСНЯ

Красна девица сидела под окном,
Утирала слезы белым рукавом.

Пришла весточка нерадостная к ней,
Что сердечный друг не верен больше ей,

Что задумал он иную замуж взять.
Как тут девице не плакать, не вздыхать?

Стали девицу подружки утешать:
«Полно сердцем о неверном тосковать.

Ты в селе у нас всех лучше красотой,
Наши молодцы любят тебя тобой.

Всякий девице желает угодить;
Ты властна из них любого полюбить».

«Пусть их много, — красна девица в ответ, —
Сердце милого друтого не найдет!»

Чараш эжин чоокта көңгүс көрбээн болгаш,
Сагыш-чүрээ ыстап аарып манап орган.

«Эргим эжим мени утгуп каапкан бе? — деп
Эддепсинип улуг тынгаш, бодангылаан: —

Ындыг эвес! Чаражын маа көргүспес дээш,
Ынак эжи Ваня чокта, ойнавас-тыр.

Хайнып хөглээн көдээ черниң чону-биле
Каттышкан деп бодал алгаш турары ол-дур.

Мээң-биле чалгааранчыг болганы ол бе?
Меңээ дүрген чедип кээп көр, эргим эжим!»

ЫРЫ

Чечек ышкаш чараш уруг соңгазында
Чеңи-биле карактарын чодуп орган.

Ынак чораан оглу өскээр будалган деп
Ындыг чугаа уругта бо чедип келген.

Ынак оглу өске кысты алыр дээрге,
Ыглавайн баар, муңгаравас харык бар бе?

«Өскерликчи чүвени сен чоор сен? — деп,
Өөрү кыстар оожуктуруп хөңнүн чазаан. —

Бистиң суурда эң-не чараш уруг-дур сен,
Бистиң оолдар сени хөлчок магадаарлар.

Кайызы-даа сени дээштиң хөлчок кызар,
Кайызын-даа шилип аарын бодуң-на бил».

«Эңмежок хөй оолдар бисте бар-даа болза,
Эргимим дег ындыг кижги меңээ турбас».

Федор ТУМАНСКИЙ

ПТИЧКА

Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей:
Я рощам возвратил певичу,
Я возвратил свободу ей.

Она исчезла, утопая
В сияньи голубого дня,
И так запела, улетаю,
Как бы молилась за меня

Василий КРАСОВ

ПЕСНЯ

Взгляни, мой друг, — по небу голубому,
Как легкий дым, несутся облака, —
Так грусть пройдет по сердцу молодому,
Его, как сон, касаясь слегка.

Мой милый друг, твои молодые годы
Прекрасный цвет души твоей спасут;
Оставь же мне и гром, и непогоды...
Они твое блаженство унесут!

Прости, забудь, не требуй объяснений...
Моей судьбы тебе не разделить...
Ты создана для тихих наслаждений,
Для сладких слез, для счастья любить!

Взгляни, взгляни — по небу голубому,
Как легкий дым, несутся облака, —
Так грусть пройдет по сердцу молодому,
Его, как сон, касаясь слегка!

КУШКАШ

Хоругдаалга кужумну дүүн
 Хостап салып үндүрүптүм.
 Аян тудуп ырлаар кужум
 Арыгдыва арлы берген.

Ак-көк дээрниң делгеминче
 Арылдырып чоруп тура,
 Мени дээштиң тейлээн ышкаш,
 Мерген ырын бадырыпкан.

ЫРЫ

Ак-көк дээрже таптыг топтап көр даан, эжим,
 Ак-ак булут ыш-даа ышкаш салдап бар чор.
 Чалыы чүрек долу чораан муңгарал-даа,
 Шак ол ышкаш, дээп чоруй эртип чой баар.

Эргим эжим, сээң чалыы чылдарыңны
 Эки чаагай күзел-бодал камгалап каар.
 Бергелерни чүгле меңээ арттырып каг,
 Бергелер сээ шаптык болур, курут кааптар.

Мени чоор сен, айтырбайн утгуп каавыт,
 Мээң үлүүм үлешкениң херээ-даа чок.
 Чыргалаңга чаяттынган кижидир сен,
 Чылыг-чырык ынакшыыры — аас-кежи!

Ак-көк дээрже таптыг топтап көр даан, эжим,
 Ак-ак булут ыш-даа ышкаш салдап бар чор.
 Чалыы чүрек долу чораан муңгарал-даа,
 Шак ол ышкаш, дээп чоруй эртип чой баар.

СТАРЫЙ ДОМ

Старый дом, старый друг, посетил я
Наконец в запустенье тебя,
И бывшее опять воскресил я,
И печально смотрел на тебя.

Двор лежал предо мной неметенный,
Да колодезь валялся гнилой,
И в саду не шумел лист зеленый —
Желтый тлел он на почве сырой.

Дом стоял обветшалый уныло,
Штукатурка обилась кругом,
Туча серая сверху ходила
И все плакала, глядя на дом.

Я вошел. Те же комнаты были;
Здесь ворчал недовольный старик;
Мы беседы его не любили,
Нас страшил его черствый язык.

Вот и комнатка: с другом, бывало,
Здесь мы жили умом и душой;
Много дум золотых возникало
В этой комнатке прежней порой.

В нее звездочка тихо светила,
В ней остались слова на стенах;
Их в то время рука начертила,
Когда юность кипела в душах.

В этой комнатке счастье бывшее,
Дружба светлая выросла там...
А теперь запустенье глухое,
Паутины висят по углам.

И мне страшно вдруг стало. Дрожал я,
На кладбище я будто стоял,
И родных мертвецов вызывал я,
Но из мертвых никто не восстал.

ЭРГИ БАЖЫҢ

Эрги бажың, сеңээ катап чедип келдим.
Ээнзиреп, хоозурап калган тур сен.
Шаанда үе сагыжымга кирип келген,
Сарынналып, сени катап көрүп тур мен.

Чоок-кавы черни боктар тудуп чипкен,
Соок суглуг күдук буступ бады барган.
Садта дагжаан ногаан чараш бүрүлөр чок,
Саргаргаштың, черни шыва алы берген.

Бажың ишти ээнзиреп, куруг калган,
Малгаштап каан ханалары төктүп калган.
Кудай-дээрге салдап чораан булут безин
Куруг турган бажың көргөш, ыглап эрткен.

Бажыңдыва кире бердим. Өрээлдер бо.
Маңаа, борта шугул ашак чурттап чораан.
Ооң-биле чугаалажыр хөөн чок бис,
Ооң дылы кончуг кадыг, берге кижиги.

Өске бир бо өрээлдиве кире бердим,
Өңнүүм-биле ийилээн маа чурттап турдум.
Маңаа турган үевисте, бажывыска
Магалыг дээн бодалдар бо кирер турган.

Хайыралыг сылдыс маңаа чырып турган,
Ханаларда бижээн сөстөр артып калган:
Кончуг чок дээн чалыы турган үевисте,
Холдарывыс, сеткиливис бижип турган.

Ам бо турар өрээлимге ынчан бистер
Найыралдыг, кежик-чолдуг турган-дыр бис.
Эн куруг өрээливис азыгларын
Ээремчиктер дузаа туда берген болду.

Афанасий ФЕТ

* * *

Какое счастье: и ночь, и мы одни!
Река — как зеркало и вся блестит звездами;
А там-то... голову закинь-ка да взгляни:
Какая глубина и чистота над нами!

О, называй меня безумным! Назови
Чем хочешь; в этот миг я разумом слабею
И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не могу молчать, не стану, не умею!

Я болен, я влюблен; но, мучась и любя —
О слушай! о пойми! — я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя —
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

Аполлон МАЙКОВ

СЕНОКОС

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают;
Мужички его кругом
На воз вилами кидают...
Воз растет, растет, как дом.

В ожиданьи конь убогий
Точно вкопанный стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

* * *

Экизин аа! Ыржым дүне ийилээн бис!
 Ээремде сылдыстар дөө чайыннап тур.
 Бажың өрү көдүргештиң, топтап көрөм,
 Магаданчыг чараш болгаш арыг-силиин!

Мени сен ам мелегей-даа дигей-ле сен!
 Мээң арай кошкаш кынны берген ышкаш.
 Ынакшылдың чалгыы мени элзедипти,
 Ыыттавайн барып черле шыдавас мен!

Ынакшааштың аарып тур мен, түрөп тур мен,
 Ындыымны мен чажырбас мен, билип көр даан.
 Чаңгыс сеңээ ынак болгаш күзөп тур мен,
 Чажыт чокка чугаалаксап турарым бо!

СИГЕН КЕЗИЛДЕЗИ

Чалбак шыкта сиген чыды
 Сагыжывыс сергежипти.
 Айбыр туткан херээженнер
 Аңдарып каап чоруп турлар.

Эки кургаан сигеннерни
 Эрлер бөле шаап алгаш,
 Дегийт дүрген ол-ла дораан
 Тергезинге чүдүрүп тур...

Чүдүрерин манаан аът
 Чүү-даа чок шимээн турар..
 Даваны ыргак, кулаа сынык
 Таваар удуп турган-даа дег.

Только жучка удалая
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

Сергей АНДРЕЕВСКИЙ

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Шел тихо снег обильный и пушистый,
Ложась легко на белые поля;
В молочный цвет, ласкающий и чистый,
Слились в тот день и небо, и земля.
В сыром тепле и воздухе привольном
На санках вдаль летели мы вдвоем,
И много звезд, в круженье своевольном,
Оставил снег на личике твоём;
К твоей косе подкрался он в косынку,
Седую пыль в ресницы заронил,
На край щеки принес тебе слезинку,
И все резвей, все гуще семенил,
Как будто вдруг он весь пустился в танец;
Порой глаза ты жмурила, смеясь,
Тебя живой охватывал румянец,
И мы неслись — застыв, не шевелясь...
Стал реже снег. Видней была окрестность,
Наш конь устал, мы двигались шагком.
В коврах зимы светившаяся местность,
Простора тишь блаженная кругом —
В нас вызвали ребяческую радость...
Ты ручку мне из муфты подала.
Я испытал неведомую сладость,
Коснувшись к ней. Согрета и бела,
Она еще хранила запах меха
В тот миг, как я к губам ее прижал:
Невинных лет опасная утеха,
Кто сладких чар твоих не испытал!
Тот поцелуй пролил на сердце негу,
Впервые в нас проникла дрожь любви:
Так мы, скользя по девственному снегу,
В бесследный путь врезали колеи.

Кара чаңгыс хаважык ыт
Хамаан чокка ол-бо маңнап,
Өгбегер сиген кыры-биле
Өрү халып, ээргилээн.

Сергей АНДРЕЕВСКИЙ Василий МОНГУШТУҢ очулгазы

БАШТАЙГЫ ХАР

Кодан-таваан улай-улай уруп келген,
Ховуларны хөмө-шыва чаап каапты.
Ак сүт дег арыг хар черниң, дээрниң
Аразын шуут тудуштуруп каапкан ышкаш.
Шак ол хүн агаар арыг, сериин турда,
Шанактангаш, бистер ийи чорупкан бис.
Аяр оожум бадып турган кодан-таваа
Арныңга кээп улай-улай дүжүп турду:
Чаштарыңга, аржыылыңга, карактарга,
Чаагыңга харжыгаштар чаап турду.
Дээрден баткан улуг хары соксаар туржук,
Дендеп барган — шуут ургаш туруп алган.
Харывыс ам танцылап турган ышкаш,
Карактарың имирерткеш, каттырган сен.
Арның шупту долбанналып кызып келген,
Ара турбайн караңнады тутсуп ор бис.
Азыксап, долгандыр чер көстүп келген,
Аъдывыстың чоруу чоорту оожумнаан.
Кышкы хевис черни шыва алы берген,
Кылаңайнып, чайынналып көстүп чыдыр.
Кончуг улуг өөрүшкү хайнып келген,
Холуң хавын ужулгаштың, холуң сундуң.
Аңаа дээпкеш, чылыккан мен, билинмес мен,
Алгы чыды меңээ чедип кээп турган.
Шак ол душта уругну мен ошкапкан мен,
Чалыы шагның айыылдыг дээн чаңы болгай.
Чеже кижиге сени көргөн, чарашсынган,
Сеткилинге эргеледип чораан чүве!
Ошкашканым чүрээмдиге кире берген,
Ол хүн биске ынакшылдың оду кыпкан:
Чаган харның кыры-биле бир-ле дугаар
Чаа исти арыг черге ажыткан бис.

СТИХОТВОРЕНИЯ В ГЕЙНЕВСКОМ ДУХЕ

I

(С САРКАСТИЧЕСКИМ ОТТЕНКОМ)

Я верю: меня ты любила,
Да я-то тебя не любил;
Меня ты еще не забыла,
Тебя я давно позабыл.

II

(С ОТТЕНКОМ ИРОНИИ)

Меня ты когда-то любила,
Тогда я тебя не любил;
Теперь ты меня позабыла -
И что ж? я тебя не забыл.

III

(ОРДИНАРНОЕ)

Ты меня любила,
Я тебя любил, —
Ты меня забыла,
Я тебя забыл.

Николай ЧИЖОВ

РУССКАЯ ПЕСНЯ

У подгорья студены ключи шумят,
Льются, бьются и на миг не замолчат.

Такова у красной девицы печаль.
Друга милого покинуть сердцу жаль.

I

Меңээ сен ынак турдуң,
Мен сени тооваан мен.
Мени ам-даа утпаан-дыр сен,
Мен сени уттупкан мен.

II

Меңээ шаанда ынак турдуң,
Мен сени тооваан мен.
Ам сен мени уттупкан сен,
А мен сени утпайн чор мен.

III

Сен меңээ ынак чордуң,
Сеңээ мен ынак турдум,
Сен мени уттупкан сен,
Сени мен уттупкан мен.

ОРУС ЫРЫ

Дагның баары ыйгылактан үнүп чыдар
Мадырак суг соксаал чокка агып чыдар.

Чаңгыс эжим эжи оолдан чарлып турар
Чараш кыстың муңгаралы база ыңдыг.

Злые люди отравили счастья дни,
О любви моей довелись они.

Разлучили с милым другом, развели,
Но забыть его заставить не могли.

В лютом горе утешенье мне одно —
Сесть, задумавшись, под красное окно.

Может, милый друг по улице пройдет,
Грусть от сердца на минуту отведет.

Может, милый на окошко поглядит,
Красну девицу поклоном подарит.

Может, скажет, оглядевшись вокруг:
«Я по-прежнему люблю тебя, мой друг!»

Хопчу дылдар кежик-чодуг хүннеримни
Хораннап кааш, ынакшылым бажын чипкен.

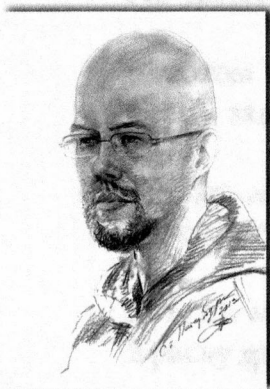
Олар мени ынаам-биле чарган-даа бол,
Оолду мен утгур кылдыр албадавс.

Улуг соңгам баарынга чеде бергеш,
Ундарап каап, муңгарап каап олулар мен.

Ынак эжим кудумчуга көстүп кээп боор,
Ынчан чүрээм хензиг када амырай бээр.

Соңгадыва ынак эжим көрнүп келгеш,
Согаш кылгаш, кыска байыр чедирип боор.

Ол-бо чүкче эргий-кезий көре каапкаш:
«Ол-ла хевээр ынак мен» деп чугаалап боор.

Игорь П Р И Н Ц Е В

ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА (Повесть)

Он поработит и тебя.

Р. Джерико владеет магией. Темным и злым колдовством. Свои ритуалы он творит на сцене в свете прожекторов и лучах дурной славы. Свои заклинания выкрикивает в микрофон. Его чары притягательны издали и необоримы вблизи.

И единственный идол, единственный демон, которому посвящены все темные мессы, блестящие концерты — сам Р. Джерико.

Он превращает в своих рабов всех, кого касается. Он поработит и тебя. Впервые ты услышишь его необычную музыку в записи. Возможно, ты пожмешь плечами и забудешь, пойдешь дальше. И это самый безопасный путь — мимо.

Или же ты прислушаешься к себе и попытаешься понять, что за отголоски пробуждает в тебе запись. Что за далекие зарницы сверкают на границе твоего сознания. Ты будешь слушать ее снова и снова, но ощущение не станет ни яснее, ни ближе.

Тогда ты решишь расставить для себя все точки над «и», раз посетив живой концерт. И там ты наконец ощутишь всю необоримую мощь Р. Джерико. Лишь первый аккорд иззубренным

лезвием вгрызется в зал, зарницы, что танцевали вдалеке, пронзят твой разум сотнями электрических разрядов.

Сердце вместо крови погонит по жилам чистое пламя, и тебе захочется разорвать свою плоть, выпуская его на волю. Но вместо этого ты высоко поднимешь сжатые кулаки и издашь восхищенный победоносный клич.

Твой скепсис испарится, вся критика сгорит. Все, чего тебе захочется — поклоняться человеку на сцене. Валяться в его ногах, пресмыкаться, забыв про стыд, лишь обратить на себя внимание того, кто заставил твои разум и тело пылать.

Зал будет содрогаться до основания от воя гитары и глубокого вокала. Земля будет содрогаться под пятой Р. Джерико, и твое сердце забьется в такт.

Два часа пролетят как минута. Час ты будешь бороться с желанием драться. Неважно с кем. Три часа полное энергии тело будет молить о действии. А потом придет стыд.

Стыд за дела, мысли и желания. Стыд за безволие и рабскую покорность какому-то певцу. Стыд за свою недавнюю злобу. Воспоминание о том, как Джерико влез к тебе в голову и крутил тобой, как марионеткой, не оставит тебя долго.

И этот стыд, пожалуй, последняя точка возврата. Уцепившись за него, как за соломинку, можно и нужно вынырнуть из-под власти злого колдуна. Надо помнить свой стыд, свое унижение. Потому что скоро захочется еще. Еще Джерико. Еще ярости. Еще огня.

И если поддаться повторно, можно стать наркоманом, стать зависимым рабом, берсерком, готовым по мановению руки повелителя мчаться на строй пластиковых щитов, не замечая ни струй ледяной воды, ни града резиновых пуль. И да, стыд к тебе больше не придет.

Если ты хочешь дать отпор Джерико — отвернись, не смотри, иди мимо. Дугые божки ни от чего не страдают сильнее.

Из Легенды.

2004. Предателей никто не любит.

Одинокий особняк у кромки леса оказалось нелегко отыскать. Максим Канюков кружил и петлял в лабиринте загородных дорог без всяких указателей.

Он понял, что едет правильно, когда навстречу вырубил

потрепанный фургон, битком набитый возбужденно и агрессивно повизгивающими юношами. Тот, что свесился из окна, заклекотал и швырнул во встречную машину пивной бутылкой.

Остатки пива с мелкими бурыми осколками растеклись по мигом треснувшему лобовому стеклу. Максим поморщился и даже не притормозил — были дела поважнее стекла и разборок с фэнами Иерихона.

Спустя еще несколько поворотов показался сам двухэтажный особняк. Канюков проехал распахнутые настежь кованые ворота. На газонах недавно жгли костры, двор превратился в небольшую помойку. Дому тоже досталось: выбитые стекла, исписанные стены. Через входную дверь кто-то размашисто написал алой масляной краской: «Предателей никто не любит».

Снаружи дверь рубили топором, а изнутри, судя по дыркам, пальнули из дробовика. Звонok оказался вырван с корнем, и Максим заглянул внутрь, там, где картечь вырвала кусок двери. Но увидел только ствол и пару озлобленных глаз позади него.

— Ну, мразь, — прошипели с той стороны, — укажи мне, что я должен играть. Только расскажи подробнее, чтоб я понял.

— Боб, нехорошо целиться в старых друзей, — сказал Канюков, отступая на шаг.

Хозяин дома сощурился, вглядываясь в его лицо, но убрать ружье и не подумал.

— И что же от меня понадобилось старым друзьям?

Максим скривился и надвинулся на самый ствол дробовика:

— Ну, конечно же, нагадить тебе, бедный маленький Бобби. Все только и хотят тебя посильнее обидеть. Давай стреляй уже. Или открывай.

Боб обреченно вздохнул и, отомкнув дверь, ушел в полумрак. Войдя, Канюков постоял с минуту у двери, чтобы глаза после яркого дня привыкли к темноте. Дом Боба больше всего напоминал убежище вампира. Каждое окно роскошного зала было завешено тяжелыми шторами, кое-где пробитыми картечью. Сквозь дыры пробивались тонкие лучики света, и в них плясали мириады пылинок.

Привыкнув к полумраку, Максим зашагал по роскошному и невообразимо грязному паркету. Прислуги не было, охраны тоже. Либо разбежались, либо Боб сам всех отослал.

Пройдя вглубь дома, Максим обнаружил в центре запыленного обеденного зала монумент, возведенный хозяином самому себе. Постаментом служил антикварный стол на много персон. На него Бобби водрузил старинное кресло и все необходимое для себя.

В роли всего необходимого выступали заботливо прислоненный к подлокотнику дробовик, три пачки патронов и целая батарея самого разномастного пойла.

И на вершине, в кресле, восседал Бобби. Было видно, что о своем голоде он беспокоится гораздо меньше, нежели о жажде. Без того будто точеное из мрамора лицо заострилось и побелело еще сильнее. Крашенные в черный волосы сильно проросли родным золотистым цветом.

Обеденный зал нес на себе следы гораздо больше следов недавнего побоища. Тут и там роскошный паркет был попорчен дробью, от дверей и окон остались вовсе одни дыры. Пробивавшийся сквозь них дневной свет отражался и играл на цветных боках полных и пустых бутылок.

Заметив что-то, Канюков присел и ковырнул ногтем успевшее свернуться пятно крови.

Бобби на своем сияющем троне встрепенулся:

— Прострелил маленькому ублюдку ступню! Как думаешь, сойдет за автограф? Если не пойдет к врачу, получит адресную именную гангрену! Какого черта, у меня акция!

Максим вздохнул и шагнул ближе к подножию постамента. Бобби безразлично смотрел в его круглое лицо, обрамленное окладистой бородой. Лицо русского рока.

— Ну? — выплюнул он, прикладываясь к бутылке.

— Для тебя нашлось хорошее дело, дружище. Шанс встряхнуться, ощутить себя полезным. Но для этого тебе придется слегка... как бы это... вытащить голову из задницы.

Бобби хохотнул и отшвырнул опустевший сосуд:

— Тогда тебе придется меня сильно удивить. Потому что моя голова ну очень глубоко в заднице, ей там довольно уютно, и я не горю желанием что-то предпринимать по этому...

— Назревает еще один Джерико, — протараторил Канюков и замолчал, давая секунду переварить новость. Но реакция Бобби оказалась совсем не такой, какую он ждал.

— Еще один!!! — пропищал хозяин сквозь неудержимый хохот. — Имя им — Легион, верно?!

Бобби скакал в кресле, неистово бил себя по коленям, ржал неприлично и громко, так что из глаз лились слезы.

— Да теперь группу можно будет собрать из одних только...

Еще одной искрометной остроте было не суждено родиться — у стола подломилась ножка. Бобби ухнул вниз с грохотом, треском и звоном. Вместо того, чтобы подняться, он, потирая ушибленные

ребра и продолжая хихикать, подыскал место без осколков и с не очень острыми обломками.

— А я что, Лесси? Вот иди и вправь мозги. И не тревожь... ох... моего праха.

— Вместе будем вправлять, — прокряхтел Канюков, выуживая из осколков дробовик. — Видишь, какое дело. У вас тут гуляет Джерико и оставляет на месте Лондонов с Парижами дымящиеся воронки. Ты накачиваешься бухлом, чтобы, не дай бог, не осознать ужас положения. Тебя все устраивает, и я рад за тебя. Но в России мне такая радость не нужна. И ты поможешь, никуда не денешься. Твоя огневая точка раскрыта и уничтожена, так что собирай манатки.

Бобби изобразил страдальческий стон.

— Ну вы посмотрите, проще съездить, чем отбрехаться. Ладно, дай протрезветь.

— По дорожке протрезвеешь, — хмыкнул Максим, взваливая приятеля на плечо.

— А ну-ка! — Бобби отпихнул Канюкова. — Я еще не в таком ничтожестве, чтоб меня на исторические свершения носили в руках.

1998. Эксклюзив.

Давным-давно, но не так уж много лет назад, Бобби был молодой душой, беспечен, сказочно глуп и восхитительно бесполезен. Рано унаследовав немалое состояние, он, будто по сигналу стартового пистолета, ринулся сжигать свою жизнь.

Дорогие игрушки сменялись дорогими усадьбами. Хмельной раж — наркотическими грезами. Гонки на лаковых авто или элитный клуб, спонтанная поездка на другой конец мира или расшвыривание денег на месте.

Идеальную картинку портило только то, что все эти радости были так же доступны другим богатым мальчикам и девочкам. Для суперэлиты же, а себя Бобби считал именно суперэлитой, нужен суперэксклюзив.

Бобби обнаружил себя посреди пустого и разгромленного клуба. Он смутно припоминал это место до разрушения, но никак не мог вспомнить, что случилось.

Напротив, за одним из немногих уцелевших столов, восседал полужнакомый художник. Или фотограф. Или музыкант. Кажется,

это на пару с ним Бобби разгромил маленький клуб. Или без него. Или это был кто-то другой. Пока Бобби блуждал ошалело-мутным взором между кучами обломков и осколков, новый приятель заговорил:

— Так значит, дружок, ты ищешь исключив из исключивов? Вот прямо опыт в квадрате? Эмоцию в кубе, да? — он взмахнул руками над столом.

— Который час? — проблеял Бобби.

— Тада ты не там ищешь! — строго поучал его художник— писатель-скульптор.

— Што случилось? — Бобби ковырнул ногтем стеклянную столешницу, перепачканную чем-то черным.

— Понимаешь, — продолжал вещать поэт-дизайнер-архитектор, — ты здесь, но сюда же ломанулось и все отребье вроде нас! И смотри, что случилось. А чтобы по-настоящему зажечь... нужен бензин!

Гулявший вдалеке разум Бобби помахал ему рукой, подсказывая, что выбить собеседника из колеи его монолога невозможно.

— Бензин, — сделал он попытку поддержать разговор.

— Бак бензина и знание.

Бобби засмеялся, но от этого сильно закружилась голова, и он перестал.

— На бензин как-нить наскребу. Давай сюда знание! — Он даже положил на стол раскрытую ладонь, вляпавшись во что-то липкое.

— Не-е-е-е! — протянул модельер-композитор-режиссер, широко улыбаясь. — Ты его потеряешь. Потому что ты пьяный!

— А ты сделай, чтоб не потерял! Ты же такой у-у-умный! — передразнил его Бобби.

Дирижер-сценарист сначала глубоко задумался, но почти сразу, просияв, выудил из кармана маркер.

«Так вот в чем весь стол!» — отстраненно подумал Бобби, но его сразу со словами «Иди сюда, моя радость» потянули за карман кожаного пиджачка через стол.

Когда Бобби оказался в зоне досягаемости, неведомый творец, высунув от усердия кончик языка, стал что-то выводить маркером прямо у него на лице. Бобби вдруг понял, что ему просто необходимо прилечь вот на этот изрисованный стол и подремать. Всего секунду!

Он еще почувствовал, как у него на лице что-то дописали и заботливо похлопали по щеке:

— Спи, не дрыгайся и владей своим знанием, — слышалось

на фоне нетвердых удаляющихся шагов.

Поутру Бобби наверняка забыл бы что угодно, но вот проклятуший маркер не сходил две недели.

Так называемое знание, запечатленное в несмываемом маркере, включало в себя дату и координаты. Причем координаты — в самом прямом смысле. Порядком намучившись, избавляясь от великого дара, в указанный день Бобби все же сел в машину и включил навигатор.

Его вела не вера во что-то особенное, а любопытство, которое только усилилось, когда навигатор через шесть часов пути в указанную точку предложил ему проехать сквозь скалу.

Только хмыкнув, Бобби свернул и начал блуждать среди скал и обрывов, пока не наткнулся на старую разбитую дорогу, которой не нашлось ни в навигаторе, ни на бумажной карте.

Еще через час невыносимой тряски призрак дороги привел Бобби к цели, в город-призрак. Только вид у него был очень уж оживленный. Несколько десятков автомобилей были разбросаны по улицам, и вокруг городка, в переулках между бывшими зданиями — разбиты палатки.

Единственное здание во всем городе оказалось отремонтированным и покрытым свежей краской. «Легенда» — прочитал Бобби вывеску. На крылечке сидел мальчишка лет пятнадцати, с любопытством разглядывал его.

— Ты здесь живешь? — спросил Бобби.

— Ага, вон под тем камнем! — мальчик заулыбался. — С родителями приехал.

— А чего здесь будет?

— Выступление... Концерт... — в ответе не было уверенности. — Как-то так.

— А-а-а! — разочарованно протянул Бобби. — Мегаальтернативная альтернатива? Широко известная в узких кругах?

— Ну, так разворачивайся и вали, — сощурился мальчишка, — раз слишком хороший.

— Передохну и отвалю! Я на эту помойку больше семи часов перся!

Обогнув маленького нахала, Бобби вошел в набитый публикой бар. Люди сидели за столами, на столах, на полу, на краю сцены, на самой сцене и даже на бывшей барной стойке.

В центре внимания была женщина средних лет с гитарой. К ней тянулись те, кто расселся поближе, а задние ряды не спускали глаз, хотя сейчас она просто неторопливо с кем-то беседовала, держа за

гриф поставленный на пол инструмент.

Бобби вздохнул и отвернулся к окну. Отдышаться и бежать из этого логова инди!

Вдруг все разговоры, все звуки в баре стихли, все, как по команде, затаили дыхание. В этой тишине прекрасно было слышно, как женщина поставила гитару на колени и заиграла.

Негромкая песня гитары наполнила зал, и, почти сразу, самого Бобби. Боясь шевельнуться и разрушить историю, что рассказывали струны, он закрыл глаза и улыбнулся. Такого умиротворения, тепла и безмятежности он не испытывал никогда в жизни.

И с каждой минутой все больше казалось, что полная доброты история сложена о нем, и ни о ком другом. А гитара все пела, рассказывая ее бессловесно и звонко.

А песня погружала в океан эмоций, накатывала волнами самых разных чувств, теплым бризом сдувала лишнюю позолоту и куда-то звала. Но Бобби не мог сделать и шага, пока звучит волшебная музыка, боясь, что прекрасная и зыбкая сказка тут же растает в воздухе.

Он позволил себе раскрыть глаза, только когда струны умолкли. Оказалось, на улице уже стемнело, и трудно было сказать, сколько длилось выступление.

Боб, с грохотом опрокинув подвернувшийся под ноги стул, пулей вылетел наружу.

Музыка стерла все лишнее, сдула весь мусор. И без всего этого душевного хлама Бобби в полной мере осознал, насколько пуст. Как и обещал незнакомец из бара, это была эмоция в квадрате, ощущение в кубе. Ощущение собственной никчемности.

Если человек может такое, почему же он сам ничего не может, не умеет и не учится, чтобы суметь? Ни на секунду не покидало чувство, будто получил прекрасный подарок. И мучительный вопрос: заслужил ли его Бобби хоть чем-то в своей жизни?

Он сидел в пыли, прислонившись спиной к колесу своей тачки, такой бесполезно роскошной и незначительной. Опустошенный и оглушенный, остановившимся взглядом смотрел в светлый прямоугольник окна.

— Не расстраивайся, — слышался мягкий голос.

В неярком свете, люющемся изнутри салона, напротив Бобби присела незнакомка, что минуту назад перевернула его взгляд на жизнь. Он не мог вымолвить ни слова, оцепенело глядя в ее лицо.

— Меня зовут Летиция. А тебя? — будто у маленького мальчика

выспрашивала она.

— Бобби, — пробормотал он, смущенно опуская глаза.

— Рада знакомству, — улыбнулась Летиция. — Так что тебя расстроило, Бобби? Ничего, что я спрашиваю?

— Я... — Боб запнулся. — Я понял, что кучу времени потратил просто так, ни на что. Годы и годы...

Летиция помолчала, глядя куда-то на плечо Бобби.

— Все напрасно. Все было зря. И уже поздно, да?

Бобби кивнул, и она кивнула тоже.

— Это здесь почему-то бывает. И со мной было. Только это ерунда, про «поздно». Потому что мы еще очень молоды, а времени всегда больше, чем кажется, если не тратить его на мелочи.

Бобби улыбнулся добрым словам, и тогда Летиция, выпрямившись, протянула ему руку:

— Ты, наверное, преодолел долгий путь. Не в пыли же ехал сидеть. Пойдем внутрь, поговорим, познакомлю тебя с кем-нибудь.

Когда они вдвоем вернулись в старый бар, многие разбегались по своим местам, старательно делая вид, будто не подсматривали и не подслушивали. Летиция только посмеивалась, и Бобби тоже не было до этого дела.

Почти весь вечер прошел в разговорах с Летицией. Она слушала глуповатые байки Бобби и кое-что рассказывала о месте, куда он попал.

Оказалось, это шахтерский городок. Шахты истощились, и люди покинули его много лет назад. Название не сохранилось, потому место зовут по названию бара — Легенда. Раз в каждое время года, в заранее назначенный день, здесь собираются друзья, чтобы послушать музыку и пообщаться. Когда-то Летиция давала здесь концерты десятку самых близких друзей, но с каждым сезоном желающих послушать становилось больше. Музыка, что звучала здесь, была особенной, и люди приходили к ней по самым разным причинам. Кто-то, как Бобби, искал себя, кто-то жаждал вдохновения, а кому-то музыка добавляла сил, чтобы преодолеть черную полосу.

А потом он обмолвился, что хотел бы тоже научиться играть. И глазом не успел моргнуть, как Летиция стала его учить. Вложила в руки гитару и, почти обнимая сзади, расставляла его пальцы по струнам, по ладам:

— Во-от, теперь ударь-ка по струнам. Чувствуешь? Она тебя слушается. Названия аккордов, миноры-мажоры потом будешь запоминать, а сейчас просто почувствуй. Это главное.

Уже глубокой ночью, когда все повыдохлись, Летиция оставила свою публику и отправилась отдыхать. Оказалось, какие-то благодарные люди отремонтировали и обставили для нее заднюю комнату бара. Следом стали расходиться и остальные.

Куда-то ехать было уже поздно, и Бобби заперся в машине, откинув спинку сиденья назад. Но в окно тут же постучали. Незнакомый бородатый мужик, приправляя ломаный английский словами из вовсе незнакомого языка, просился на второе сиденье.

Никогда бы в жизни Бобби не пустил его в машину, никогда до того дня, той ночи. Он отомкнул дверь, молчаливо приглашая гостя внутрь. Тот повозился, устраиваясь поудобнее, и протянул руку:

— Максим.

— Боб.

Пожали руки и этим ограничились. Языковой барьер тоже оказался кстати — Бобби был не в настроении разговаривать. Он смотрел в темноту за лобовым стеклом в глубокой задумчивости и пытался осмыслить свою находку.

Она не была эксклюзивом, даже не стояла рядом с этим дурацким словом. Но она была именно тем, что он искал для себя очень, очень давно. Однако усталость и избыток впечатлений взяли свое. Бобби почти сразу уснул.

Утром он жевал бутерброды вместе с новым попутчиком. Тот, оказалось, приехал слушать Летицию из самой России. Торопиться было некуда — Летиция уехала еще на рассвете и не вернется еще три месяца. Остальные тоже постепенно разъезжались, к полудню город снова опустеет.

Позже Бобби поймал в баре давешнего мальчугана, чтобы порасспросить. Вспоминая слова Летиции, его звали Найджел Кининг, он был самым молодым гостем Легенды, и его возили сюда родители с десяти лет.

— Слушай, а кому... кому тут собственно надо платить? — спросил он смущенно.

— За что? — удивился Найджел.

— Ну, мало ли, сборы какие, пожертвования?

— Извини, чувак, тут твои богатства некуда девать. Но...

Он навис над столом, будто собираясь сообщить большой секрет:

— Если тебе действительно понравилась Летиция и хочешь ее порадовать, — он хитро улыбнулся, — подрасти. Ей нравится, когда мы растем. Добейся чего-нибудь. Или научись. Той же гитаре. Это она ценит.

— Спасибо, — озадаченно пробормотал Бобби.

— Да не за что! — юный Кининг снова заулыбался. — Я думал, ты козлина, а оказался наш!

— Мгм... А где можно записи найти? Что-то никто кассетками не торгует.

Найджел только развел руками:

— Нет никаких кассеток. Музыка должна жить в нас, а не на пленках. Летиция никому не разрешает делать записи.

— Признаться, здешние порядки озадачивают меня все больше. Кининг рассмеялся.

— А всегда так.

Потом Бобби подвез Максима до ближайшего города, и тот показал главную дорогу на Легенду. Отличную дорожку, чтобы ездить четырежды в год.

2004. Город без лица.

Легенда погрузилась в мертвую тишину. Ни звука, ни души, и даже ветер не покачивал скрипучие дверцы бара. В этом каменном штале застыла адская жара. Неподвижное марево искажало все вокруг, и старинные постройки выглядели еще более потрепанными, покосившимися.

Кто-то пришел бы писать похабные надписи на стенах пустующих домов. Кто-то побил бы окна. Но Легенда была забыта и мертва, и скорбный остов ее былой осталась посреди неизвестности, медленно пожираемый временем. Город без лица. Город без души.

Максим, то и дело облизывая пересохшие губы, блуждал среди руин печальным взглядом. Несмотря на испепеляющий жар, от молчания Бобби по коже шел холодок. Хотелось что-нибудь сказать, нарушить тишину. Но что тут скажешь?

На дебютный концерт Потерянных они успели как раз вовремя, хоть и не к началу. То, что родилось у юного композитора Трехина под влиянием Иерихона, оказалось совсем не похоже на оригинал. Было гораздо мерзостнее. С первых аккордов Максим почувствовал, как внутри что-то трясется и переворачивается.

Вова Трехин явно наслаждался собственным творением и обводил посетителей маленького клуба-подвала пьяно-безумным взглядом, складывая аккорды в ломаный мотив. Он еще о чем-то

пел, но Максим позже так и не смог вспомнить ни строчки. Только чувство, будто невидимые крючки зацепились за позвонки и тянули их в разные стороны.

Только он повернулся к Бобби, чтобы обсудить, как бы без шума свернуть это действие, тот кивнул на сцену и хмыкнул:

— Смотри-ка, а его самого зацепило. По-настоящему.

Ломаный ритм окончательно смялся и утих. Взгляд новоявленного Джерико остановился, пальцы побелели и дрожали от напряжения, но оставались неподвижны. Лидер группы замер, как манекен, а остальные топтались на местах, беспомощно переглядывались. Видно, Вова не только играл и пел, но и думал за своих питомцев.

Бобби тем временем проложил себе локтями дорогу к сцене и беспрепятственно похитил горе-композитора — взвалил на плечо, будто бревно, и унес.

Когда встал вопрос, куда его, собственно, везти, особого разнообразия вариантов не появилось, и Трехина повезли в Легенду.

В дороге Бобби будто ожил. Привел себя в порядок, расправил плечи, улыбался, шутил. И это лишь оттого, что он снова был при деле, был кому-то нужен.

Вова отходил от своего припадка долго и мучительно. Почти все четверо суток пути он проспал на заднем сиденье, а когда просыпался, бредил и никого не узнавал. А в Легенде все вдруг стало наоборот.

Трехин проснулся и оглядел похитителей вполне осмысленным взглядом, а Бобби, стоило ему взглянуть на опустошенный город, прислонился к капоту автомобиля и окаменел.

Минуты неловкого молчания растягивались в часы, безжалостное солнце обжигало лица, а Бобби, глядя на обломки уютного и доброго вчера, как будто готов был стоять неподвижно до самого заката.

Вова растерянно топтался в стороне. Мало того, что он не очень понимал, где находится и для чего его сюда привезли, так Боб с Максимом при нем еще и говорили друг с другом на непонятном английском.

Канюков судорожно соображал, что же делать дальше. Ну, украли. Ну, привезли. Но Легенда-то в разрухе, и мудрой, доброй Летиции тут больше нет.

— А ведь сейчас как раз время выступления, — вдруг произнес Бобби. — Я и забыл совсем. Всего-то год прошел.

Он перевел взгляд с покосившейся вывески бара на Вову и стал смотреть так же пристально. Трехин с большим трудом поборол

желание спрятаться куда-нибудь от этого взгляда.

Тогда Бобби оттолкнулся от капота машины и широкими шагами направился к крыльцу.

— Дядь Макс, — робко позвал Вова. — А это что, Р. Джерико? Канюков усмехнулся:

— Узнал?

— Ты с ним знаком? — недоверчиво продолжил допытываться Трехин.

— Я знаком с Бобом. Еще с тех пор, когда не было никакого Джерико.

— Кру-у-уто... — восхитился Вова.

— Не круто, — коротко возразил Канюков. — Вообще не круто. И я надеюсь, что хоть он тебе это втолкует. Раз уж ты меня не слушаешь.

— Дядь Макс! — Вова заканючил, — а познакомь! Познакомь!

Внутри бара царили прохлада и полумрак. Грязные окна почти не пропускали света, и вместо этого широкие лучи пробивались сквозь дыры в крыше. Поднятые тяжелыми шагами, в воздухе летали мириады мелких пылинок. Они четко обрисовывали солнечные лучи, превращая каждый в плотный и почти осязаемый столб света.

И в глубине полутемного зала прямо на краю пыльной сцены сидел Джерико. Не судьба была Максиму кого-то с ним познакомиться, потому что Роберт сам протянул руку и поманил Вову пальцем. Когда тот подошел, заговорил с ним, мало заботясь о языковом барьере:

— Ты знаешь, кто я?

Вова быстро кивнул.

— А ты хочешь со мной тусоваться? Постоянно.

Вова закивал еще старательнее.

— Тогда одно условие. Вот это вот нечто, которые ты в клубе изобразил. Забыли, о'кей?

Трехин понимал примерно треть слов, но общий смысл улавливал и снова кивнул, на этот раз слегка неуверенно.

— Смышленный! — насмешливо и громко сказал Джерико Канюкову через его плечо. — Думаю, приживется.

— Где приживется? И что ты вообще задумал?

— Чинить тут все пора. И вы оба попали, потому что теперь будете помогать и никуда не денетесь, — Бобби заухмылялся.

— Что толку чинить, когда люди разбежались?

— Вот их-то мы и должны вернуть. Знаешь, Макс, я сейчас понял. Есть на земле такие места, которые не должны пустовать.

Иначе совсем хреново живется. Вот смотрю сейчас на Легенду, и жить не хочется.

— Не получится, Боб, — покачал головой Канюков.

— Получится. Наизнанку вывернусь, но буду восстанавливать по памяти. В конце концов, ты сам хотел, чтобы я зашевелился. Так что не кряхти, помогай.

Прежде чем уехать, все трое отправились в сторону от города, туда, где возвышались три огромных валуна. Между ними, надежно спрятанная и укрытая со всех сторон, нашлась одинокая могила.

Завсегдатаи Легенды, долго и не смущаясь друг друга, делились новостями и свежими байками, рассказывали о своей затее и о том, как все будет, если получится. Все — обращаясь к простому перекрестью досок с вырезанным именем Летиции.

2003. Р. Джерико

Каждый хотел быть похожим на Летицию. Если не в большом, то в малом нести на себе ее признак. И если окружить себя такой аурой доброты могли не все, то уж взять в руки гитару мог каждый.

Со временем в Легенде появилась новая традиция. Любой молодой автор и исполнитель мог представить свои творения в Легенде на общий суд. Из-за обилия желающих этой традиции скоро стало тесно в одном дне вместе с выступлением Летиции. Тогда и появилась идея собираться раньше, чтобы поделиться новым и не стеснять ее во времени. Приезд и выступление наставницы стали кульминацией и завершением трехдневного семинара. Или фестиваля. Для кого как.

И на третий день, отложив гитару и разминая усталые пальцы, было еще приятнее расслабиться и слушать прекрасную музыку весь день напролет. Но теперь гитара Летиции не только рассказывала красивые сказки, она говорила: «Ты можешь лучше, гораздо лучше. Я ведь могу».

И усталость отступала, а израненные струнами пальцы сами собой начинали перебирать аккорды на невидимом грифе. Возможно все, надо только стараться. Упражняться, не зная усталости. Творить, забыв сон...

— Летиция!

Мелодия оборвалась, все закрутили головами.

— Летиция! — снова окликнул Найджел, смущенно прижимая

к себе гитару и будто бы желая спрятаться за ней. — Пожалуйста, послушай! Я думаю, это должна услышать именно ты.

Вокруг зашелестели шепотки. Кининг никогда ничего не представлял. И даже не говорил о том, что работает. В Легенде не было запретов, но отвлекать Летицию, даже не выступив в предыдущие дни, было очень некрасиво.

— Конечно, Найджел, — Летиция сделала приглашающий жест, — покажи нам, что тебе удалось.

Кининг положил гитару на колени и сделал несколько глубоких вдохов, борясь с волнением и смущением. И стал играть.

С первых нот становилось понятно, что Найджел старался во всем скопировать своего кумира, повторить даже в мелочах. По старому бару разнеслись те же самые переливы, тот же мотив. Но взяв те же краски, Кининг нарисовал совсем другую картину. Там, где музыка Летиции ласково обволакивала и звала в даль, музыка Найджела накидывала удавку и тащила прочь. Вместо того чтобы проникать в самое сердце, она била в грудь тупым ножом.

Публика заерзала на местах, Бобби начал подниматься, чтобы поделикатнее прервать друга. Но его опередила Летиция, молниеносно взвившись на ноги.

— Ты что это творишь? Заткни свою шарманку, пока я не заткнула!

За все годы никто не видел на ее лице даже простого раздражения, но сейчас в ее взгляде всем предстала еле сдерживаемая ярость.

— Хочешь знать мое мнение, да, Найджел? — Летиция грозно двинулась через бар к сжавшемуся в ужасе Кинингу. — Ноты сожги, гитару зарой. И не вздумай это когда-нибудь где-нибудь повторить. Понял?

Летиция нависла над трухлявым столом, впившись в него ногтями, устремила на Кининга пристальный пылающий взгляд. Тот ничего не ответил, а лишь, остолбенев, смотрел на нее полными страха глазами. Летиция выпрямилась и закрыла рот тыльной стороной ладони, пытаясь совладать с собой.

— Все, ребята, концерт окончен, — пробормотала она. — Всем спасибо. А ты, Найджел, не спеши уезжать. Завтра будем разговаривать.

На негнущихся ногах, будто разом охромев, Летиция ушла в свою комнату.

Следующим утром Найджел, будто нашкодивший щенок, сидел в баре, ожидая взбучки. Но Летиция не вышла. Народ не разъезжался, желая знать, чем кончится непонятный конфликт. Но солнце вошло

в зенит, а Летиция так и не вышла. Кто-то предположил, что она передумала и уехала рано утром. Тогда Бобби решился осторожно заглянуть в ее комнату. Икона Легенды была мертва.

Шок и горе. Пустота и черная тоска овладели учениками Летиции. И видя этот букет чувств друг в друге, словно в зеркале, все преданные поклонники вдруг ударились в бегство. Будто, оказавшись они как можно дальше, что-то изменится.

Похоронить кумира остались лишь четверо.

Когда все замерли в нерешительности, Максим первым решился обыскать комнату. Но лишь покачал головой: ничто в вещах Летиции не могло указать на то, кому звонить и куда ее везти. В бумажнике нашлась лишь пара купюр, в телефоне — никого, кроме других обитателей Легенды. Последняя надежда исчезла, когда номер ее машины оказался картонным. Даже в смерти Летиция осталась человеком без фамилии и ниоткуда.

Роберту хотелось бежать, бежать вместе со всеми, закрыв глаза руками, лишь бы не видеть мертвого лица Летиции. Он скрипел зубами и ежесекундно приказывал себе оставаться на месте. Копал, нес, снова копал, не видя и не слыша ничего вокруг себя.

Родители Найджела уехали одними из первых. Его оставили, не сказав ни слова. Теперь он вовсе как зомби вяло и неуклюже ворочал лопатой, глядя перед собой.

И неожиданно — полужнакомое лицо. Холодное невыразительное лицо с водянистыми голубыми глазами. Когда разбежались те, кого считали самыми преданными, для скорбного труда остался незнакомец. Тони появлялся в Легенде редко, ни с кем не знался, ничего не играл, слушал и уезжал. А теперь без лишних слов работал наравне с остальными.

Слишком мало времени прошло. И, когда был установлен наскоро сколоченный крест, никто не смог вымучить ни слова. Боб резко повернулся и зашагал к машине, втянув голову в плечи. Найджел — за ним, потому что его бросили. Максим спрятал грязные руки в карманы и, понурившись, тоже поплелся прочь. Его сзади догнал Тони, хлопнул и встряхнул за плечо. И поспешил скрыться, будто был утомлен или смущен этим проявлением эмоций.

Дни и ночи слились, смешались в бесконечную серую реку. Река текла мучительно медленно и Роберта ни на минуту не оставляло ощущение, что он тонет, идет в ней ко дну, которого на самом деле нет.

Однажды ему приснилось, что приближается новая гастроль в Легенде, и лишь стоит ему проснуться, можно будет вскочить в машину и вновь окунуться в неповторимое волшебство затерянного городка.

Первые секунды после пробуждения были самыми счастливыми за месяцы. И на месяцы вперед.

Он забывал есть, забывал спать, забывал выйти из дома. Все чаще лежал без движения или блуждал призраком самого себя по просторным и пустым комнатам особняка, ставшего Тадж-Махалом. Пустым потому, что прислуга всячески старалась с ним разминуться.

Вот и дворецкий вошел в облюбованный хозяином зал с большой неохотой. Он являлся чаще всех, обычно чтобы уговорить Джерико поесть. Но в этот раз в его руках был телефон.

Как и всегда, прежде чем обратиться, он окинул хозяина испуганным взглядом. Его ввалившиеся щеки и глаза, его поредевшие волосы, одежду, что была шита на него, но висела как на вешалке. Пауза затянулась, и Бобби повернул голову к слуге:

— Да, Гэрри?

— Звонит мистер Найджел Кининг. Желаете ответить?

— Желаю, — сказал Роберт, пожевав потрескавшимися губами.

Найджел был взволнован, тараторил что-то неразборчивое, изредка останавливаясь, чтобы отдышаться, и тогда в трубке грохотом отдавалось его тяжелое дыхание.

— Медленнее, Кин, — протянул Джерико, — медленнее.

— Послушай, Роб, я долго скитался, — переведя дух, начал Найджел. — Давно уже не был дома. Семья думает — это я убил Летицию. Вся Легенда так думает.

— Почему не пришел? — хмыкнул Джерико. — Думал потеснишь?

— К черту, Роб, к черту, к черту! — взвизгнул Кининг. — Это такая ерунда! Я даже не потому звоню.

— А почему? — Боб изо всех сил старался проявить интерес или хоть какую-нибудь эмоцию, но они все, казалось, окончательно сточились.

— Они все сидят на задницах, Роб! Все — на задницах! Ни строчки, ни ноты! Все, что они теперь могут — душить диван и осуждать.

— Ну и шли бы они, Кин. Чего звонишь-то? — вздохнул Бобби.

— Я собираю группу, Роб. И не мыслю ее без тебя. Присоединяйся.

Роберт не сразу нашелся:

— Знатная группа у нас получится вдвоем. Или позовем диванных душителей в подтанцовку? — ирония в голосе — еле теплящийся уголек эмоций.

— У меня уже есть группа. Только тебя не хватает.

— Почему — меня?

— Потому что тебе я всегда верил. Потому что ты — это ты, дружище.

У Кининга на самом деле была группа. И Роберт изо всех сил старался не вдумываться, какие скитания Найджела свели с такими людьми, и что у него может быть с ними общего.

Первым был гитарист Аик Рэй. Вернее, хотел быть первым во всем и уже видел себя лицом еще не случившейся группы. Уже при первой встрече он заговорил с Бобби с покровительственными нотками в голосе, обещая не давать в обиду, когда построит тут всех. Его приходилось осаживать. Раз за разом, монотонно и утомительно. Уже через пару дней Робу хотелось взять Айка за его неровно стриженные рыжие патлы и вбить школярские очки в наглые зенки.

На предельном расстоянии от Айка всегда находился басист, Руфус Крейг. О нем трудно было сказать наверняка что бы то ни было из-за посредственной связи с реальностью и полного безумия. Бобби старался не слушать, что говорит Руфус, чтобы потом не увидеть это во сне. Крейг одинаково карикатурно боялся Рэя и Джериго, а Кининга считал смешным маленьким человечком.

Последним был Эдвард Нойз, ударник. Сначала Роб проникся к нему симпатией, которая быстро угасла. Эдвард говорил интересные вещи, не упускал возможности подчеркнуть, что он — художник. Но в общении с ним не покидало ощущение, будто слушаешь фразы, заранее записанные на пленку приглашенным актером. А за этими фразами — непроглядная темнота, в которой может скрываться все что угодно. Со временем Бобби утвердился во мнении, что Эдвард — большой психопат, чем все остальные вместе взятые, и рано или поздно покажет всем.

Бывает, что люди не подходят друг другу, оказываются несовместимыми для общения. Бывает, что музыканты подходят друг другу идеально. Безымянная пока еще группа воплотила оба случая.

Найджел писал что и писал, наплевав на запрет Летиции. Став тяжелой, его музыка перестала быть непонятным нечто, обрела свое звучание. До блеска ее доводил Рэй, оказавшийся виртуозным

исполнителем. Позже лишь один подражатель смог приблизиться к его мастерству.

Руфус мог написать стихи на любую мелодию за считанные минуты. Все его творения, как одно, были потоком злобной шизофазии. Но сообщение в них содержалось именно такое, как было нужно. Под музыку Кининга не шел никакой осмысленный текст.

А Эдди... Роберт так и не нашел для себя определения, что сделал Эдди. Но этот вклад был, возможно, определяющим для него лично.

Все началось с того, что Нойз несколько дней ходил за Бобби хвостом, уговаривая позволить поработать с его сценическим образом. Боб отказался, и тогда его попросил Найджел.

Эдвард подошел к делу неожиданно серьезно, достал ворох эскизов, которые рисовал неизвестно когда. Роберт, обреченно вздыхая, безропотно позволил перекрасить себя, заплести и разрисовать. Будучи уверенным, что после даст окончательный отказ, он не протестовал, даже когда Нойз отвернул от него все зеркала.

— Зачем тебе это? — лишь спросил Джерико, когда Эдди, закусив от усердия кончик языка, водил тонкой кисточкой по его лицу.

— Не разговаривай, — попросил Нойз. — Все это уже есть в тебе, а я только обвожу. Я должен это обвести, понимаешь?

Роберт не понимал. Но в тот момент ему показалось, что тьма рассеялась, и он на долю секунды увидел то, что в ней пряталось.

После нескольких часов работы Эдди отер руки от грима прямо о майку и жестом пригласил Боба к зеркалу. Тот подошел и надолго замер, разглядывая работу Нойза.

Там, за стеклом, стояло чудовище. Золотистая грива превратилась в сотни тугих черных кос, которые торчали из головы, будто обрывки проводов. Вместо лица на Роберта смотрел череп, искусно нарисованный во всех деталях. Череп широко улыбался из зеркала, будто смеясь над тем, как безупречно в него вписалось тощее лицо Бобби.

Слова отказа застряли в горле, Роберт лишь заморожено смотрел из глубины зачерненных глазниц. А существо в зеркале повернулось вполоборота, расправило плечи, красуясь.

Соглашаясь на предложение Кининга, Роб намеревался пригладеть за ним и пару недель поиграть в подвале что-нибудь

брутальное, пока он не успокоится и не согласится вернуться домой. Но это был жестокий самообман.

Джерико ступал на сцену, и ему казалось, что земля сотрясается под ним. В жизни Роберт никогда не чувствовал такой силы и власти, как в те дни над безумеющей публикой.

С каждым Джерико все сильнее отличался от Роберта. У него был свой голос, своя походка, своя манера.

Он вышагивал по сцене, будто хищник в клетке, неторопливо и величественно, и будто был готов в любую секунду броситься сквозь решетку, обнажив клыки. И людей, покоренных его выступлением, что тянули руки от подножия сцены. И Джерико наклонялся, чтобы выкрикнуть очередную строчку бессмысленной песни им в лицо.

Скоро армии ярых поклонников стало тесно даже в больших клубах, и группа непринужденно шагнула на сцену большого концертного зала, а будто бы через минуту весь мир знал Бобби как Р. Джерико, короля металла. И тем же словом — Иерихон — называлась группа. Он мрачно улыбался выскочке Айку и видел, как тот, играя, скрежещет зубами от злости.

Под дождем из новых альбомов Иерихона росла армия фанатиков, готовых на коленях славить кумира, ставшего лицом нового удивительного звучания. И всякий неугодный рисковал быть стертым этой армией с лица земли.

Джерико потрясал кулаками перед бушующей многотысячной толпой, изливая со сцены свою бесконечную ярость, и от рева публики содрогался весь город.

Вдруг один из фанатов, совсем юный, прыгнул на сцену, увернувшись от охранников, и стал неуклюже карабкаться, протягивая руки к своему божееству.

Р. Джерико ослабилась и в садистском угаре, высоко задрав колено, с силой наступил каблуком на протянутую руку. Музыка поглотила пронзительный крик, и Джерико лишь видел, как его раб беззвучно разевает рот. Он убрал ботинок с окровавленной разбитой кисти и выжидающе смотрел: ну, что ты теперь сделаешь?

И уже через секунду не увидел в глазах фаната ничего, кроме обожания и благодарности. Тот стоял перед ним на коленях, баюкая изувеченную руку, и смотрел восхищенно-заворожено, что-то лепеча, пока охрана все же не стащила его вниз.

Джерико будто оглушило. Все звуки вокруг вытеснил звон в ушах. Испарились все мысли. И в зияющей пустоте всплыла лишь одна фраза, которую Роберт мысленно проговаривал снова и снова, глядя в людское море под сценой: «Я надеюсь, что после смерти нет

ничего. И Летиция окончательно мертва. И не смотрит сейчас, что за обезьяны пляшут на ее костях. Я надеюсь, что после смерти...».

Группа за спиной продолжала играть, надеясь, что Джерико снова запоет. Но тот без единого слова повернулся и ушел со сцены. И, будто здание без несущей стены, музыка стала обваливаться, распадаться, теряя партии и смешиваясь в какофонию, пока не затихла, оставив лишь ропот публики в тишине.

2009. Безумное шоу.

Вова вошел в бар, распахнув дверь ногой. Не удостоив и мимолетного взгляда никого из присутствующих, прошествовал к сцене и неуклюже взобрался на нее. Подхватил неприкосновенный инструмент, гитару Летиции. И стал...

Нет, не играть, брэнчать без ритма, нот и аккордов, подвывая самому себе дурным голосом. Его пальцы оставляли сальные разводы на легендарном инструменте.

И публика встретила его какофонию одобрительным воем. И в баре стали загораться зажигалки. Водил в воздухе мягким огоньком Айк Рэй. И Бобби. И Кининг. И Канюков.

Все они и много, много других обитателей Легенды размахивали зажигалками и фонариками, а Вова им на радость извивался будто одержимый, молотил по струнам, расстраивая их все больше.

Тут он увидел у стойки саму Летицию, будто вырезанную из черно-белой фотографии. Она откинула с серого лица прядь серых волос, достала из кармана серую зажигалку и высекла язычок серого пламени. На секунду Вове показалось, что сейчас она присоединится к толпе сумасшедших, но икона Легенды вместо этого закурила и взглянула на него с неодобрением. На барной стойке перед ней лежал пистолет.

Вова открыл глаза и сразу же стал закутываться в одеяло. Сон оставил холодную пустоту внутри, и в пустоте одиноко носилось лишь чувство неискупимой вины.

Маленькие города редко страдают бессонницей, но Легенда никогда не спала. Вот и сейчас, поздней ночью, играли и пели на открытой сцене, играли в баре, а по улице, кажется, гуляли с саксофоном. Вова приподнялся на кровати и выглянул в окно. У реки тоже какая-то компания развела костер и кто-то играл на гитаре. Мелодии было не разобрать, доносился только веселый смех.

Никто не приезжал в Легенду спать. Город творцов сам отсеивал и не допускал до себя праздных людей.

Трудно поверить, что каких-то несколько лет назад здесь были руины шахтерского селения и пустырь. Но никто и не скажет, что возрождение далось легко.

Когда Задира разослал приглашения другим последователям Летиции, не откликнулся ни один. Никто не хотел идти за Робертом Джерико. Никому не была нужна Легенда без Летиции. Боб поскрипел зубами, но не отступился.

Так первыми поселенцами новой Легенды стали молодые музыканты из Европы и России, приглашенные Задирой, Максимом и Вовой. Но дело сильно осложнялось тем, что никто в точности не понимал, чего добивается трио основателей, никто не видел Летиции и не представлял, какая атмосфера царила в городке в ее время.

В результате кто-то потихоньку восстанавливал город, кто-то заскучал и уехал сразу, а кое-кто решил, что Легенда — это такой рай для «творческой личности», в котором можно без конца пьянствовать.

Но нашлись нужные люди, готовые творить и учиться друг у друга. Благодаря им Легенда не превратилась ни в бесконечную попойку, ни в бессцельную стройку века.

И уже через два года группа Жар, находка для фанатов рока во всем мире, в своем первом интервью сказали сакраментальное «мы из Легенды!».

И весь следующий год не было восходящей звезды в мире музыки, которая бы с гордостью не заявила: я из Легенды!

А потом неожиданно многие из давно признанных музыкантов по всему миру признались: я тоже из Легенды!

И крохотный городок будто взорвался. Его магия не только привлекла много молодых талантов, в него разом вернулись почти все, кто застал Летицию. Музыканты, художники, писатели.

И вот, когда постоянное население перевалило за две сотни человек, не считая многочисленных гостей городка, когда восстановление старых домов давно перетекло в строительство новых, а порыв творить окончательно перевесил все остальные стремления, Легенда потеряла сон и стала такой, какая она сейчас. Городом несмолкающих мелодий.

Вову не покидало гадостное послевкусие сна, заставившего снова задуматься, правильно ли он поступает. А вопрос действительно

был спорным. Последний, кто пытался разгадать музыку Летиции, теперь скачет в дурацкой маске, уродуя поколение. Тем не менее...

Вова сел за стол и отомкнул его вечно запертый ящик. В нем не многое нашлось: толстая тетрадка с заметками, чуть смазанное черно-белое фото Летиции, единственное, которое удалось найти. И главное сокровище — десяток разномастных аудиокассет.

Летиция запрещала записывать себя, но все равно то и дело кто-то сидел с диктофоном в кармане. Уцелевшие записи были глухими, неясными, гитара слышалась где-то на фоне посторонних шумов. Пленки сыпались, не давали себя скопировать, превращаясь в совсем непонятное шипение и, казалось, с каждым прослушиванием записи становились еще хуже.

За каждой из кассет скрывалась история завладения ею. Первую Вове подарили, некоторые удавалось выпросить, за одну он отдал роскошную дареную гитару, за другую два месяца играл в какой-то мутной группе, нарядившись непонятно чем. Так или иначе, Вова владел всеми существующими записями и пылал решимостью понять их секрет.

Впрочем, после таких сновидений возиться с ними хотелось меньше всего. Бессонница, так бессонница! Трнхин оделся и, повесив гитару на плечо, спустился по лестнице.

На первом этаже дома формально проживал Задира, но его почти никогда нельзя было там встретить. Став за пять лет мультиязычным, гиперактивным и гиперсоциальным лидером Легенды, он все время был где-то еще.

Играл с теми, играл с этими, основывал новые группы, которые позже вполне будут играть без него, решал, в какую сторону на этот раз расширить город, уезжал с кем-то на гастроли, внезапно возвращался, и все шло на новый виток. За все пять лет еще не было такой минуты, когда бы Задира был никому не нужен. У него свое нескончаемое безумное шоу.

Когда Вова вышел на улицу, она внезапно встретила его тишиной. Все звуки стихли, все огни погасли, Легенда, притаившись, будто дикий хищник, смотрела на него из темноты. Никто может не знать. Даже вездесущий Задира может не знать. Но Легенда знает, что он задумал. Знает и следит.

На секунду Вове показалось, что последних пяти лет не было. Что он в одиночестве стоит ночью посреди заброшенного города, где только ветер и руины.

Из оцепенения его вывел разом начавшийся ливень. Мириады холодных капель ударили по крышам, земле и плечам людей. И

тут же все звуки вернулись, а Вова кто-то подхватил под руки и потащил вперед.

— Что же ты стоишь! Бежим!

Это квартет «Путь», полужнакомые музыканты. Один из них пытался спрятать за пазуху саксофон. Узнав их, Вова хохотнул и тоже припустил по размокающей улице в сторону открытой сцены. Накрытая большим тентом, она ждала зрителя и артиста круглые сутки с марта по октябрь каждый год с гостеприимно настроенным оборудованием. Залезай и играй! Подходи и слушай. Сюда же сбежались все, кто ночью шатался по улицам Легенды, а чуть позже явилась компания с реки. Прожектора сцены на долю секунды выхватывали из темноты крупные дождевые капли.

И тут, стоя среди других промокших, разгоряченных, тяжело дышащих и веселых людей, Вова совершенно точно понял: Легенда жива и прекрасна, и были пять лет, и еще много, много будет!

И от этого осознания, от этого чувства Вова не смог не забраться на сцену, не подключить гитару. Что поделать, его многие называли гитаристом до мозга костей, который и думает гитарой, и грустит гитарой, и гитарой радуется. Ничего обидного, так и есть.

— Замерзли?! — выкрикнул он сквозь смех.

Публика неразборчиво загудела, потому что каждый ответил что-то свое.

— Так зажжем!

И теперь ночная тишина действительно порвалась в клочья. Вова играл как всегда в минуты вдохновения, начав со старой заготовки, перешел к чистой импровизации, порой цитируя кого-то из классиков.

Его музыка несла в себе энергию, но не удар молнии. Пламя, но костра, а не пожара. Зажечь, но не опалить, завести, но не озлобить.

Ласковые волны мелодии смыли чувство вины и пустоты, Вова почувствовал себя полным. Полным музыки, идей и замыслов. Полным радости и компанейского тепла.

И когда стих последний аккорд, публика одарила музыканта овациями. Не карикатурными, как во сне, а настоящими, заслуженными и живыми.

Когда Вова спускался со сцены, он увидел входящего под тент Задиру. Тот был окружен лучшими, признанными Легендой виртуозами, такими же мокрыми насквозь, как он сам. Над их компанией тоже витала аура радости, но какой-то напряженной.

Задира улыбался, но весь был похож на взведенную пружину. Он убрал с лица облепившие его мокрые пряди волос и провозгласил:

— Друзья! Пора! Завтра идем на Джерико!
Безмятежная сказка Вовы Трехина с мелодичным звоном ухнула в пустоту.

2001. 4 балла по Глазго.

Семейство Джерико больше века было поражено техногенным проклятием. С тех пор, как прапрадед Роберта взорвался на одном из первых автомобилей, каждого мужчину в семье убивали только они. Прадед упал в машине с горной дороги, дед погиб под колесами, всего несколько лет назад родители столкнулись с грузовиком.

Бобби не очень удивился, когда пришел его черед. Он вообще давно знал, как умрет, и даже не пытался торговаться с судьбой, пристегиваясь или соблюдая скоростной режим.

Асфальт тек под колеса стремительной серой рекой. В предвкушении осеннего выступления Летиции Найджел и Роберт с самого утра отправились кататься по пустынным пригородным дорогам. Смеялись, болтали о ерунде, пугали водителей редких машин.

Вдруг Найджел замолчал и устремил задумчивый взгляд в окно, где осенние деревья сливались на скорости в единую золотистую стену.

Обычно это означало, что сейчас он по секрету будет высказывать что-нибудь крамольное. Роберт напрягся и приготовился быть дипломатичным.

— А знаешь, Роб... - нерешительно начал Кининг, отвернувшись от дороги. — Я, наверное, понял, чем хочу заниматься.

Джерико вопросительно хмыкнул, скосив на него глаза.

— Вот... знаешь, Летиция. Она, она одна ведь играет свою музыку, придумывает и играет... — он смущенно умолк.

— И ты?.. — подтолкнул его Роберт.

— И я хочу быть, как она. Хочу научиться играть и нести людям музыку. Ту же музыку, а?

Найджел стерпел полный сомнения взгляд.

— Роб, ты же знаешь, я упорный! Я буду стараться, потрачу всю жизнь, если понадобится! Я хочу, хочу быть как она, играть как она, понимаешь?..

Кининг говорил все тише, а потом вовсе пришибленно замолчал, видя, как постепенно каменеет лицо Джерико. И стал совсем жалобно выпытывать:

— Что ты думаешь, Роб, а? А, Роб?

Тот неопределенно замычал, показывая, что пропустил мимо ушей всю болтовню Найджела до последнего слова, и произнес:

— Я думаю, у нас отказали тормоза. Пристегнись скорее.

Кининг секунду пристально глядел в лицо друга и, не заметив на нем тени улыбки, стал судорожно натягивать ремень. Лаковое авто мчалось по наклонной дороге, повизгивая шинами на крутых поворотах. Джерико врос взглядом в дорогу, сжав руль до побеления пальцев. Навстречу как назло стали одна за другой вылетать машины. Они бешено сигналили, проносясь мимо.

— Эх, Кин, — сквозь зубы пробормотал Джерико, — не знаю, какую там глупость ты задумал, но желаю тебе выжить, чтобы ее осуществить.

— Ро-об, — взмолился перепуганный Найджел, — не говори так! Лучше пристегнись!

— С судьбой, дружище, не поспоришь.

Роберт прикладывал все силы, чтобы удержать машину на дороге, так и норовившей вильнуть из-под колес. О том, чтобы отнять руки от руля, не могло быть и речи.

— Пристегнись, Роб, — ныл Кининг, — умоляю! Ты же убьешься!

— Мы слетим с дороги! Не нуди над ухом!

— Мы все равно слетим! — взвизгнул Найджел, теряя остатки самообладания. — Ты хоть попытайся, Роб! Прощу!

Джерико несколько раз глубоко вздохнул, успокаивая себя. И быстро, как мог, метнулся рукой к ни разу не использованному ремню, потянул через грудь. На секунду даже показалось, что все получится, но в тот момент, когда Роберт уже искал ремнем замок под сиденьем, небо с землей поменялись местами.

Машина собрала в гармошку несколько метров дорожного ограждения, рассыпая цветастые осколки фар. Перевернулась и с грохотом покатила под откос, превращаясь в бесформенную грудку железа.

У Летиции был мобильный телефон. Все его знали, и каждый мог отправить письменное послание или наговорить сообщение на автоответчик. Вот только она не отвечала почти никогда. Летиция сняла трубку — большая редкость и повод похвастаться.

Но, сидя в палате над разбитым телом друга, Найджел не нашел больше никого, кому мог бы позвонить и рассказать о случившемся. Сначала он засомневался, поднял взгляд на Роберта. Тот был укатан в гипс едва не до кончиков пальцев. Прямо как в старых комедиях.

Вот только никто не смеялся.

4 балла по шкале Глазго, кома третьей степени. Роб Джерико уснул и, скорее всего, уже не проснется. Пристегнувшийся Кининг отделался парой ушибов.

Стиснув зубы, Найджел набрал номер. И, не торопясь, постарался во всех подробностях рассказать автоответчику о произошедшем. Выждал полчаса. Ответа не было. Позвонил снова, попросил отозваться. Ответа не было. Стал названивать каждые полчаса. Требовал, умолял, рыдал, кричал, унижался. Ответа не было. Разбил телефон о стену. Извинялся и упрашивал медсестру не выгонять его.

Когда на улице уже окончательно стемнело, Найджел, измотанный до предела переживаниями, вышел в коридор за стаканом воды. И остолбенел, не веря своим глазам.

По больничному коридору от палаты к палате, заглядывая во все двери, шла Летиция. Походка ее была странной, болезненной, да и вид не лучше. Но Кининг не мог не узнать ее или обознаться. Последние сомнения растаяли, когда она подошла и положила ладони ему на плечи.

— Здравствуй. Ты сам как? Порядок?

От этого у Найджела едва не подкосились колени, все напряжение мигом улетучилось. Вот теперь-то все точно будет хорошо! Он быстро-быстро закивал.

— Хорошо.

Медленно переставляя негнущиеся ноги, она вошла в палату, сняла с плеча футляр с гитарой таким жестом, словно это был бетонный блок на ремне. Выглядела она так, будто не спала несколько дней или переживала тяжелую болезнь. Или то и другое разом. Такая Летиция, больная и немногословная, пугала Найджела все сильнее.

На Роберта она лишь мельком взглянула, покачав головой, а самое пристальное внимание уделила его карточке. Наконец из футляра появилась знакомая гитара. Устроившись в кресле, Летиция стала перебирать струны, как всегда неторопливо складывая ноты в неповторимую мелодию.

Но в музыке, как и в ее исполнительнице, проявилось нечто новое, незнакомое, почти чужое. От странной мелодии по коже шел холодок, а внутри росло беспричинное волнение, хотелось вскочить и выбежать вон. Но Найджел приказал себе сидеть на месте, и молча наблюдал, пока Летиция не обратилась к нему:

— Как ты поживаешь? Расскажи что-нибудь. А то мы как на похоронах.

Кининг стал рассказывать какую-то чепуху, забыв о недавнем намерении, и сильно сомневаясь, что Летиция слушает. Она откинулась в кресле, прикрыла глаза, и о том, что она не спит, говорили только пальцы, продолжавшие плести мелодию.

— Ну, пора, — вдруг сказала Летиция, оборвав себя на полуноте, а Кининга — на полуслове. — Пойду я. Береги себя, Найджел.

Оцепенение от такого странного появления и неожиданного прощания не дали Кинингу задержать Летицию, пока та возвращала гитару в футляр. Он даже не последовал за ней в коридор, а так и сидел, оглушенный лавиной новых и неясных знаний.

От звука хриплого голоса Найджел подскочил на стуле.

— Ты даже не представляешь, дружище, — шепелявил Роберт, скосив на него единственный открывающийся глаз, — как мне сейчас больно.

Джерико попытался засмеяться, но тут же скривился. Кининг, ликуя, опрометью кинулся в коридор — догнать, вернуть, рассказать! Но никого уже не догнал и не нашел.

Первый и последний раз Летиция явилась в неурочное время по звонку. Чтобы совершить свое главное чудо.

Продолжение следует.

Александр БЛОК

* * *

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Перед мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутясь проклятым роєм...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют твоей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

Александр БЛОК

Николай КУУЛААРНЫҢ очулгалары

* * *

Шырай-арның столумда бөдүүн хоодан
Мурнум орта хүлүмзүрүп чырып турда,
Шылгаралдар, маадыр чорук, алдар-атты
Мунгагалдыг шак бо черге уттур чордум.

Шагы келген, бажыңымдан чоруй бардың,
Хайыралыг билзээм дүнче шывадаттым.
Салым-чолуң өске кижээ хүлээдиптиң,
Кайгамчыктыг шырай-арның уттувуттум.

Каргыштыг дег имиңейнип хүннер шуушту...
Хандыкшылга, арагага хинчектеттим.
Сактып келдим — хүрээге сээң турганыңны,
Чалыы шаам дег, ынчан сени кый деп турдум...

Кый деп турдум, а сен хая көрүнмедиң,
Ыглап турдум, а сен мени оваарбадың.
Кударгай-ла көккүр тонуң шугланыпкаш,
Кудуушкуннуг өл-шык дүне чоруй бардың.

Сагыжыңның улуун орта хоргадалды,
Чассыг сарыым, каяа тыптың, билбес-тир мен...
Уйгум эки, көккүр тонуң дүшке кирер —
Ундаргай шык дүнче үне берген тонуң.

Чассыг сеткил, алдар-ат ам күзеттинмес,
Чалыы шаавыс, бүгү чүве эрте берген!
Хоозу бөдүүн шырай-арның столумдан
Холум-биле бодум алгаш, шыгжап кагдым.

НЕЗНАКОМКА

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бесмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен,
И влагой, терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!»¹ кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

ТАНЫВАЗЫМ КЫС

Рестораннар кырын дургаар кежээлерде
Изиг агаар чиктиг болгаш тоомча чок.
Чаргырашкан эзириктер кыйгыларын
Часкы болгаш ириксиг чыт чагыра бээр.

Доо ынаар — чалгааранчыг чайлаг-дача,
Доозунналган кудумчулар кырынойда
Садыг черде булка бичии алдынналыр,
Чаштар ында ыглашканы дыңналы бээр.

Кежээниң-не шлагбаумнар¹ ынды-биле
Кеткен бөргүн тыртыйтыр каап аяннанган
Чечен эрлер арык-буга аразынга
Селгүүстеп кээр — агайларын эдерткен боор.

Хеме дээги хөл кырынга кыжырткайнып,
Херээженнер чидиг үннүг кышкыргылаар.
Төгерик хүн бүгү чүвээ чаңчыккаштың,
Дөвүнчүктеп, утка-даа чок тыртыжаңнаар.

Чаңчыкканым чаңгыс эжим кежээниң-не
Чайыннанган дашкам орта көстүп келир,
Чажыт болгаш кыжыраң бо ажыг суга
Чаажыкканы, сербээдээни меңээ дөмей.

Чанывыста столдарның аразында
Чалчалар-даа сорайыпкаш, шимчеш дивес.
Тоолайлар дег карактарлыг эзириктер
Доозазы кышкыржыр: «In vino veritas!»²

Доктаадып каан бир-ле шакта, кежээниң-не,
(Уйгу-дүште көстүүшкүн бооп база магат).
Торгу-биле орааттынган кыстың сыны
Туманналган көзенекке шимчеп келир.

Эзириктер аразынга аяр эрткеш,
Эдертипкен эш-өөр-даа чок ол кыс чааскаан
Духи болгаш туман сиңген агаар тынып,
Дужааш соңга баарын орта оруп алып.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный,
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи, синие, бездонные,
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

СКИФЫ

*Панмонголизм! Хоть слово дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судьбины божией полно...*

Владимир Соловьев

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Кажыыдал чүү кадап алган шляпа-даа,
Каасталга билзектерлиг чиңге хол-даа,
Эстеп-хадаан чымчаңнааш ооң торгузу-даа
Эрте-бурун чугаалар бооп хөлбеңнежир.

Чиктиг-элдеп холбаавыска бектедипкеш,
Чидиг кара вуаль артын топтап көргөш,
Илбилеткен магаданчыг эрик биле
Илбилеткен делгем черни көрүп тур мен.

Чажыттарның үймээнниин мээ хүлээткен-дир,
Кым-бир кижиг хүнүн меңээ бүзүрээн-дир,
Сагыжымның бүгү-ле бар ээпектерин
Кыжыраң бо арага-даа өттүр дээпкен.

Страус куш ээктирипкен чүглери-даа
Хөөкүй мээмде эстеп-хадып чайгангылаан,
Көккүр өңнүг дүп чок ханы карактар-даа
Ырак эрик кырынойда чечектелген.

Сеткилимде эргине суп, шыгжап кагган,
Ажыдыптар дүлгүүр чүгле чаңгыс менде!
Сээңии-ле шын, эзирик хей, амырга-моос!
Ам-на билдим: алыс шын-даа арагада!

СКИФТЕР

*Моол тергишдел! Черлик-даа бол,
Дыңнаарымга, эргеленчи кончуг ат-тыр.
Владимир Соловьев*

Миллион силер. А бис — дүк-түмен, сан-түң чок бис.
Бистиң-биле демисежип шенеңер че!
Астыгыр, хоптак карактарлыг
Азиаттар бис. Ийе, бис — скифтер бис!

Чүс-чүс чылдар — силерге, а биске — чаңгыс-ла шак,
Чүден чөпшүл кулдар ышкаш,
Адаан-өжээнниг моолдар биле Европаның
Аразынга щит тудуп чордувус чоп!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома, лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим все — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно все — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним все — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных роцц далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Чүс-чүс чылда эрги хөрүүңер соп чаяды,
Диңмиттелген көшкелерни дуй шаап келди,
Лиссабоннуң, Мессинаның ойлуп дүшкен буураашкыны,
Эдеп тоол бооп, силерни ам сирилетти!

Үргүлчү-ле Чөөн чүкче чилбиленип кайгап көрүп,
Байлаавысты үүжелеп чыып, эзилдирип келген силер,
Үгер-боолар аксын бисче утландырап хуусаа санап,
Базымчалап, чүс-чүс чылдар эрттирдиңер!

Үрде манаан хуусаа бо. Чалгыннарын айыыл хап-соп,
Үнген хүннер хомудалды көвүдетти.
Силерниң бо Пестумнар-даа,³ шаа кээрге,
Читкилей бээр, изи артпас чадавас-ла!

Эрги делегей! Өлүп чиде бербээниңде,
Хилинчектиң таалалынга алзып тура,
Эдип ышкаш мерген бодуң эң-не бурун тывызыктыг
Сфинкстиң мурнун орта доктаай дүжем!..

Россия — Сфинкс-тир. Өөрүп база качыгдап-даа,
Көвүктелген кара ханын куттунуп-даа,
Көөр хөөн чогу, ынакшылы кедереп-даа,
Көрүп туру, сенче кезе көрүп-ле тур!..

Ханывыстың ынаа ышкаш, ынакшыыр дег,
Кайыңар-даа шагдан тура ынакшывас апарган-дыр!
Делегейде өрттендир чиир, чок кылып
Дендии күштүг ынакшыл барын уткан силер!

Бүгүдеге ынак-тыр бис — соок саннар изиинге-даа,
Көстүүшкүннер Бурган шаңнаан белээнге-даа,
Бүгүдени билип тур бис — галлдың өткүт угаанын-даа,
Хөлүйүпкен германның генийин-даа...

Бүгүдени сактыр-дыр бис — Парижтиң тамызыг
дунааргайын,
Бүргеп турар Венецияның сериин шыгын,
Лимон ыяштыг борбак арга чаагай чыдын,
Кельн хоорай ыш-бус бүргээн туругларзыг тудугларын...

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душистый, смертный плоти запах...
Винновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

А если нет — нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века вас будет проклинать
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

Эът-ботка ынак бис — амданынга, өңүнге-даа,
Эът-боттуң чыдыксыг, өлүмнүг чыдынга-даа..
Чымчак, кадыг аспаавыска сөөгүңер кызырт дize,
Шынап-ла бис буруудаар бис бе, сөглеңерем?

Хедерленген кул кыстар томаартып-даа,
Чүгүрүк оюнзак аъттарывыс
Чүгенинден тудуп алгаш,
Хенергедип ооргазын сып-даа чаңчыккан бис..

Дайын-чааның халавындан хоргадал ап,
Тайбыңзырак куспаавысче кириңер-ле!
Эрги хылыш хынче сугаал — амдызында үе барда,
Эштер! Акы-дуңма болуп көрээл!

А хей дize — чидириптер чүвүс-даа чок,
Кара сагыш биске база онаажып боор!
Аарыг орай салгалыңар силерни оон
Каш-каш чүс чыл өттүр каргаар!

Каас-чараш Европаның мурнун орта орук чайлап,
Калбаа-биле шыргай дүмбей эзимнерже тарай бээр бис!
Азиатсыг арнывысты бырыштырып,
Ам бир янзы силердиве көрнүп кээр бис!

Че-ве, шүптү келиңер че, дөгереңер Уралдыва!
Черлик моолдар эмге-тикчок шерии-биле
Каң-демир сайзыраңгай машиналар демисежир
Калбак-делгем девискээрни хостап берээл!

Боттарывыс силерге щит болбас-даа бис,
Моон соңгаар боттарывыс тулушпас бис!
Өскээр бодап, сыгыр-сыгыр караавысты
Өлүмнүг чаа хайнып турар черже шиглеп, кайганыр бис!

Калчаараан гунн өлүп-хораан улузуңар
Карманнарын үжеп-чиндип, кода-хоорай өрттедирге,
Айыладыр хүрээже киир чылгы сүрүп,
Ак кештиг ха-дуңма шиштеп чиирге, шимчевес бис!

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

* * *

О да, любовь вольна, как птица,
Да, все равно — я твой!
Да, все равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!

Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрасных,
Моих ночей, Кармен!

Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как иерей, свершу я требу
За твой огонь — звездам!

Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов...

И в тихий час ночной, как пламя,
Сверкнувшее на миг,
Блеснет мне белыми зубами
Твой неотступный лик.

Да, я томлюсь надеждой сладкой.
Что ты, в чужой стране,
Что ты, когда-нибудь, украдкой
Помыслишь обо мне...

За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всех измен,—
Пусть эта мысль предстанет строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!

Сөөлгү катап — эрги делегей, миннип келем!
Ажыл, тайбың ха-дуңмашкы найырынче,
Сөөлгү катап — чырыткылыг ха-дуңмашкы найырдыва
Азий лира чыглылы деп кыйгырып тур!

* * *

Ийе, шынап, ынакшыл-даа хостуг куш дег,
Черле мен ам сээңи мен!
Изиг одуң сиңген сының
Черле меңээ дүжеттинер!

Чараш холдар салып өлбес күжүнде-даа,
Сарынналган шынчы эвес көрүште-даа —
Хандыкшылым хей-ле бойлаан дембээрели,
Кармен, мээң дүннеримниң дембээрели!

Сени алгап ырлап каар мен,
Сээң үнүң кудайдыва дамчыдар мен!
Чырыткылыг одуң дээштиң мөргүл кылып,
Сылдыстарга бараалгаар мен.

Шүлүктерим хемин орта
Хайнып-мөөрээн чалгыг боор сен.
Чүгле ийи холумдан мен,
Кармен, сээң духиң арытпас мен...

Ыржым дүннүң шактарында
Ынай өйде чайнаш диген чалбыыш ышкаш,
Салдыкпас сээң шырай-арның
Чайыннаш дээр — туң ак диштер ажыттынар.

Халаазырап, хилеп-даа бол,
Тааладыптар идегелге алзып чор мен:
Кажан-на бир хары чуртка
Таанда мени хеле-бүдүү бодап кээр сен.

Чуртталганың шуурганының, хөлзээниниң,
Шупту шынчы эвезиниң соон дарый —
Шак ол бодал ңзулуг шын,
Ылап бөдүүн, ак чол ышкаш,
Ырак орук ышкаш көстүп келзин, Кармен!

* * *

О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне,—
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

* * *

Я — Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце — первая любовь
Жива — к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою,
Увел далеко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю
Клинком отравленным заколот.

Николай РУБЦОВ

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

В. Белову

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

* * *

Кедергей-ле, эмин эрттир чурттаксаар мен:
Бүгү-ле бар дириг чүүлдү — мөңгөжитсе,
Хевир чокту, херекчокту — кижки кылза,
Бүтпээн чүүлдү хей-дир дивейн — ботгандырза!

Амыдырал дүжү харам бастыргай-даа,
Албыктырар дүжүмге мен бергедэй мен —
Каткы-хөглүг бир-ле оолак келир өйдө
Кайда-чүдө мени бодааш, мынча дээр боор:

Хөлүгүрүн өршээп каалы — кай, ооң оозу
Хөделдирер элдеп чажыт күчүзү бе?
Бүгү боду — буян, чырык төлү-дүр ол,
Бүгү боду — хосталганың тиилээни-дир!

* * *

Гамлет — мен мен. Кара сагыш четкилерин
Хайны оштап, аргый бээрге, ханым сооп кээр.
Чырык черде чаңгыс кыска ынакшылым
Шыгжаттынган — чүрээмде ол дириг хевээр.

Кордал бербес амыдырал соогу сени —
Хөлчүңүмнү, Офелиямны — алгаш барды.
Хоран бистиг мези-биле шаштыргаштың,
Хөөкүй тажы, төрөөн черге өлүрүм бо.

Николай РУБЦОВ

Николай КУУЛААРНЫҢ очулгалары

ЫРЖЫМ ТОПТУГ ТӨРЭЭН ЧЕРИМ

В. Беловка

Ыржым топтуг төрөөн черим!
Айлаң-куштар, талдар, хемим...
Ырак чашкы чылдарымда
Авамны маа ажаап кагган.

— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. —
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

В ГОРНИЦЕ

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

— Хөөрү кайдал? Тыппайн тур мен.
Көрдүңөр бе? — Чурттакчы чон
Орта аяар харыы берген:
— Ол чарык эрикче бар.

Аяар харыы улус берген,
Аар кош оожум чылып эрткен.
Өрү хүрээ бопуругун
Өңгүр сиген шыва үнген.

Балык сүрүп эштир черим —
Кескен сиген бөлөр кажаа.
Хемниң ээтпек черлеринде
Арык-буга казып каапкан.

Ынак эштир черлеримни
Чүдек балар, малгаш шыпкан..
Ыржым топтуг төрээн черим,
Чүнү-даа бол, утпаан-дыр мен.

Школавыс херими чаа,
Улуг-делгем шөлү хевээр.
Кайгал таан дег, херим мунуп,
Катап база оруп аар мен!

Ыяштан туткан школамны!
Ырап чоруур үем келир —
Туманныг хем соомдан сүрүп,
Тургужеге маңнап-ла каар.

Бар-ла чүве бүгүдези —
Бажың, булут, чаңнык-биле —
Хайылза-даа, өлүм чарбас
Харылзаалыым билип тур мен.

ӨРЭЭЛИМГЕ

Өрү дээрде шолбан сылдыс
Өрээлимни чырыдыпкан.
Ынак авам хумуң алгаш,
Ыт чок сугну узуп эккээр..

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

ВЫПАЛ СНЕГ...

Выпал снег — и все забылось,
Чем душа была полна!
Сердце проще вдруг забилося,
Словно выпил я вина.

Вдоль по улице по узкой
Чистый мчится ветерок,
Красотою древнерусской
Обновился городок.

Снег летит на храм Софии,
На детей, а их не счесть.
Снег летит по всей России,
Словно радостная весть.

Снег летит — гляди и слушай!
Так вот, просто и хитро,
Жизнь порой врачует душу...
Ну и ладно! И добро.

Садта кызыл чечектерим
Шагда шупту кадып калган.
Хемде хемем сыык черге,
Кезек болгаш, ирип төнер.

Талдың хээлиг хөлегези
Удумзурап, ханам шыпкан.
Даарта ооң адаан орта
Улуг херек бүдүрер хүн!

Чараш чечээм суггарар мен,
Салым-чолум боданыр мен,
Кежээ шолбан үнгүжеге,
Хемем чазап иженир мен...

ХАР-ДАА ЧААПКАН

Хар-даа чаапкан — сеткил долган
Хамык чүве утгундурган!
Чүдээн соонда ижипкен дег,
Чүрээм согуу оожумнаан.

Ээн чиңге кудумчулап
Сериин салгын эстедип ор.
Сергей берген хоорайжыгаш
Эрте-бурун каазы кирген.

Софияның храмынче,
Өөр-өнер уругларже,
Россияже ужуккан хар
Өөрүшкүлүг медээ ышкаш.

Чагган харже көрүп, дыңна!
Шак-ла ынчаар — бөдүүн, кажар —
Амыдырал сеткил эмнээр..
Ажырбас оң! Экизин көр.

ЛАСТОЧКА

Ласточка носится с криком.
Выпал птенец из гнезда.
Дети окрестные мигом
Все прибежали сюда.

Взял я осколок металла,
Вырыл могилку птенцу,
Ласточка рядом летала,
Словно не веря концу.

Долго носилась, рыдая,
Под мезонином своим...
Ласточка! Что ж ты, родная,
Плохо смотрела за ним?

СИНЕНЬКИЙ ПЛАТОЧЕК

Я вспоминаю, сердцем посветлев,
Какой я был взволнованный и юный!
И пусть стихов серебряные струны
Продолжат свой тоскующий напев

О том, какие это были дни!
О том, какие это были ночи!
Издалека, как синенький платочек,
Всю жизнь со мной прощаются они...

От прежних чувств остался, охладев,
Спокойный свет, как будто отблеск лунный,
Еще поют серебряные струны,
Но редок стал порывистый напев.

И все ж хочу я, странный человек,
Сберечь, как есть, любви своей усталость,
Взглянуть еще на все, что там осталось,
И распрощаться... может быть, навек.

ХАРААЧЫГАЙ

Уязындан төлү дүшкен
Хараачыгай хөлзеп ушкан.
Уруг-дарыг ол-ла дораан
Кайбын тура халчып келген.

Сынык демир тудуп алгаш,
Ажаар черни казып кагдым.
«Шынап бе?!» деп бүзүревейн,
Ава куш бо кылайтып тур.

Сери адаан дилегзинип,
Черге чедип, үр-ле ыглаан..
Хараачыгай! Күжүр кужум,
Канчап төлүң көрбээниң ол?

КӨККҮР ӨҢНҮГ АРЖЫЫЛЧЫГАШ

Хөлзеп-дойлуп, хөглөп чораан чалыы үем
Хөрөк-чүрээм чырыш кыннып сакты бээр мен.
Мурнунда дег шүлүүм мөңгүн хылдары-даа
Муңгак хөөннүг аялгазын улаштырзын:

Кандыг кончут кайгамчык ол хүннерил деп!
Кандыг кончут кайгамчык ол дүннерил деп!
Ырак черден, көккүр өңнүг аржыыл ышкаш,
Ырлашпышаан, назынымда үдеп чорлар...

Эрте берген сеткил-сагыш оожургаарга,
Ээремде ай чайыны дег чырык арткан.
Амдыгаа дээр мөңгүн хылдар ырлашпышаан,
Аялганың киткээри-ле ховартап ор.

Ынчалза-даа, эдеп кижиге, бо-ла хевээр
Ынакшылым шагзыралын камнаксадым,
Ында арткан бүгү чүүлче ам бир көргөш,
Ылап кезээ-мөңгөдө бе, чарлыксадым.

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОК

Домик моих родителей
Часто лишал я сна. —
Где он опять, не видели?
Мать без того больна. —
В зарослях сада нашего
Прятался я, как мог.
Там я тайком выращивал
Аленький свой цветок.
Этот цветочек маленький
Как я любил и прятал!
Нежил его, — вот маменька
Будет подарку рада!
Кстати его, некстати ли,
Вырастить все же смог...
Нес я за гробом матери
Аленький свой цветок.

УЛЕТЕЛИ ЛИСТЬЯ

Улетели листья с тополей—
Повторилась в мире неизбежность.
Не жалея ты листья, не жалея,
А жалея любовь мою и нежность!
Пусть деревья голые стоят,
Не кляни ты шумные метели!
Разве в этом кто-то виноват,
Что с деревьев листья улетели?

ЗАЧЕМ?

Она совсем еще ребенок —
И ясен взгляд, и голос тонок.
Она совсем еще дитя —
Живет играя и шутя.

КЫП-КЫЗЫЛ ЧЕЧЕКЧИГЕШ

Ада-ием бажыңын мен болганчок-ла
Имир уткуй уйгу-дыштан чарар турдум:
«Ам база чиде берди, көрдүңөр бе?
Иезиниң аарыын билбес өөдежокпай».
Шырыштарлыг сесерлиивис ханызынче
Шыдаар шаамдан чаштына бээр чаңчылым бар.
Кым-даа көрбес ажыт черге хеле-бүдүү
Кып-кызыл чечээм ажаап, өстүрген мен.
Ынай бичии чечээмге мен кайы хире
Ынак турдум — улустан шуут чажырап мен!
Эргеледип суйбай бээр мен — күжүр ием
Эккелгеним белээм дээштиң өөрүүр боор!
Өй-шаанда бе азы чок бе, өңгүр чечээм
Өжөш бодум өстүрүп ап четтиккен мен...
Кып-кызыл чечээм туткаш, авам соондан
Кылаштааштың, чевегдиге үдеп кагдым.

БҮРҮ ХОЮП, УЖА БЕРГЕН

Теректерден бүрү хоюп, ужа берген —
Делегейде чайлаш чок чүүл катаптаан-дыр...
Эстээн бүрү кээргевейн көр, кээргевейн көр,
Эрге-чассыым, ынакшылым кээргеп көр!

Часка чедир бүрүзү чок ыяштар турзун,
Чанаштаан шуурганнарны каргавайн көр!
Ыяштардан бүрү хоюп, ушканы дээш
Ылап черле буруудап боор кижиге бар бе?

ЧҮГЕ?

Көңгүс бичии кысчыгаш бо —
Көрүжү аяс, үнү чиңге.
Ам-даа чаш-тыр — оюн-хөгте
Алзывыткан чурттап чоруур.

— Давай походим темным лесом!
— Давай разбудим соловья!
Там у дороги под навесом
Моя любимая скамья.

— Давай сбежим скорее в поле!
— Давай посмотрим на зарю!...—
Я подчиняюсь поневоле
И тоже что-то говорю.

Но чувства борются во мне,
Я в жизни знаю слишком много,
И часто с ней наедине
Мне нелегко и одиноко.

И вот она уже грустна,
И вот уже серьезней встречи,
Совсем запутает она
Клубок моих противоречий!

Зачем же мы ходили лесом?
Зачем будили соловья?
Зачем стояла под навесом
Та одинокая скамья?

Юрий КУЗНЕЦОВ

* * *

Огонь — отец,
А дым есть сын.
Мысль есть огонь,
А слово — дым,
Отец еще не появился,
А сын уже зашевелился.

— Арга кезип чоруулам че!
— Айлаң-кушту оттураалам!
Орук кыдыы, сери адаа
Орар ынак сандайым бар.

— Далаш-биле шөлче үнээ!
— Даңны барып уткуп көрээ!
Хөңнүм чок бол, чагыртыр мен,
Хөөрем апаар эдептиг мен.

Ишти-хөңнүм аңгы-башка,
Көргөн чүвем хөйү кончут,
Иелээ арткаш, меңээ бо-ла
Хөңнүмге аар, чааскаан дег мен.

Бо-дур, ам кыс муңгак-сарык,
Болчаглар ам шыңгыырап ор,
Сукура мээң чөрүшкегим
Шуут-ла будап кааптар дээн-дир!

Арга чүге кезидивис?
Айлаң-кушту оттурдувус?
Чаглак-сери адаанга ол
Чаңгыс сандай чүге турган?

Юрий КУЗНЕЦОВ

Николай КУУЛАРНЫҢ очулгалары

* * *

Адазы — от,
А ыш — оглу.
От — бодал-дыр,
А сөс — ыш-тыр.
Адазы ам-даа көзүлбээн бол,
Оглу дем-не дүргектелген.

* * *

Ты чужие слова повторяла,
И носила чужое кольцо,
И чужими огнями мигала,
И глядела в чужое лицо.

Я пришел — и моими глазами
Ты на землю посмотришь теперь,
И заплачешь моими слезами;
И пощады не будет тебе.

* * *

За сияние севера я не отдам
Этих узких очей, рассеченных к вискам.

В твоем голосе мчатся поющие кони,
Твои ноги полны затаенной погони.

И запястья летят по подушкам — без ветра
Разбегаются волосы в стороны света.

А двуострая грудь серебрится..
Так вершина печали двоится.

* * *

Я в жизни только раз сказал люблю,
Сломив гордыню темную свою.
Молчи, молчи... я повторяю снова
Тебе одной неведомое слово:
Люблю, люблю!.. Моя душа так рада
На этом свете видеть свет,
Ей так легко, ей ничего не надо,
Ей все равно — ты любишь или нет.

* * *

Өске кижик сөстөрүн сен катаптадың,
Өске билзек, ямбыырганып, кедип алдың,
Өске отгар, оюн бодал, чивеңнеттиң,
Өске арын-шырайдыва көрүп турдуң.

Чедип келдим — ам мээң ийи караам-биле
Черже көрүп, кайгап-харай бээр-дир сен,
Караам чажы сээңи болуп, ыглаар-дыр сен;
Хайыра сээ черле турбас, идегеве.

* * *

Шолбанналган карактарың сыгыр-даа бол,
Соңгу чүктүң хаязынга солувас мен.

Сээң үнүң — чүгүрүк аът челиш-ыры,
Сээң будуң — сүрүп халаан чажыг маңныг.

Сыртыктарга билектериң ужуга бээр —
Чырык черге кара чажың тарай эстээр.

Ийи баштыг хөрек-тейиң мөңгүннелир.
Ийлээшкинниң бажы ындыг адыр болур.

* * *

Чүдөрөнчиг улуургалым арта баскаш,
Ынак мен деп назынымда чүгле чаңгыс чугааладым.
Ыттава даан, ыттавайн көр... улай-улай
Чүгле сеңээ эдептиг бо сөстөримни катаптаайн:
Ынак-тыр мен, ынак-тыр мен!.. Чырык черде
Чырык барын ылап көргөн сеткилимге өөрүнчүүн —
Сеткил чүү-даа хереглевес, сергек-хостуг,
Сээң ынааң азы ынак эвезиң-даа хамаан чок дээр.

ВОСТОКУ

Давным-давно судьба перемешала
Твоих сынов и дочерей твоих,
Но та, что спит в долине рук моих,
Спала в бороздке твоего кинжала.

* * *

Слезы текучие, слезы мигучие...
Больно, о больно глядеть!
Что-то такое в вас есть неминуемое.
Взял да забросил я сеть.

Но тяжело ее было вытаскивать,
Видно, что чем-то полна.
Вытащил рыбку и стал ее спрашивать,
Только немая она.

ТЕНЬ НИЗАМИ

Среди зноя в горячем краю
Он стоит, неподвластный забвенью,
Попирая гробницу свою,
Возвышаясь над собственной тенью.

Представители разных племен,
Словно искры, сюда долетали.
Приходили к нему на поклон
Даже те, что его не читали.

Как паломник я тоже пришел,
Озирая долину покоя.
И увидел над ним ореол
Из космической пыли и зноя.

Я молчал, но сказала Москва,
Я сказал, но молчала Россия.
С легким треском сторали слова
В диком зное, как будто сухие.

ЧӨӨН ЧҮККЕ

Салым-чол-даа оглу-кызың дөгөрезин
Шагда-шагда холуп-будап каавыткан.
Мээң холум шынаазында чыдар бо кыс
Мези бизин кавай кылгаш, удуп чораан.

* * *

Агычал бо, чивеңнээчел карак чажы..
Аарышкылыын, көре бээрге, аарышкылыын!
Чайлаш чок бир чиктиг чүве силерде бар.
Чадаарда-ла четким алгаш, октапкан мен.

Чүү деп чүве четким дола бергени ол,
Бар шаам-биле ушта тыртып, бергедештим.
Балыкты оон уштуп алгаш, айтыртыңдым,
Чүгле харыы дыңналбады — үнү чок-тур.

НИЗАМИНИҢ ХӨЛЕГЕЗИ

Хөөрүнүң мавзолейин базып алган,
Хөлегезин адаанда каап, бедий берген,
Удумзургай дунааргайлаан изиг черде
Уттуушкунга алыспайн, ооң турары бо.

Янзы-бүрү аймак чоннар төлээлери
Чаштанчы дег, бээр ужуп бөлдүнчүрлер.
Ярыжарга, номчуп көрбээн улус безин
Сагыш хандыр мөгеер дээш келген болур.

Мөңге дыштың шынаазынче топтап көрүп,
Мөгейикчи аянчы бооп бодум келдим.
Шыва алган космиктиг изиг доозун —
Чырык херел — ооң кырын хүндүткөп тур.

Ыгттавадым — Москва ынчан чугаалады.
Ыдым үндү — Россия сөс сөглеведи.
Кургаг-даа дег, калчаа изиг меннип турда,
Куруг сөстөр дазырткайнып өрттендилер.

Ослепляла гранита ступень
Через призму воздушного слоя.
Я искал на земле только тень,
Я спасал свою душу от зноя.

И великая тень Низами
Мне прохладу земную давала,
И кишела живыми людьми,
А долина покоя пылала.

Значит, все-таки слава не звон,
И слова не подвластны забвенью.
С вечным солнцем беседует он,
Укрывая паломников тенью.

ЕЛЕНА

Ты кто, Елена?.. Стар и млад
Из-за тебя в огне.
Пускай цари повременят,
Ты вспомни обо мне.

Гомер — слепой певец богов —
Донес из пустоты
Вздых восхищенных стариковы,
Но не твои черты.

Оставил славы блеск и гром,
И больше ничего.
Я угадал мужским чутьем
Смущение его.

В туманном юношеском сне
Из этой пустоты
Являлась женщина ко мне...
Елена — это ты!

Тебя я чувствовал — во всех,
Как славу и подвох,
Хотя свой призрачный успех
Ни в ком признать не мог.

Агаар картын өттүр көрүп кайганырга,
Аккыр чада граниди магадатты.
Сеткилимни изиг хүнден камгалаксап,
Черден чүглө хөлөгө-ле дилеп турдум.

Өндүр-бедик Низаминиң хөлөгези,
Өршээл болуп, сериидел мээ хайырлады,
Амылыглар олче сыңнып, имилешти,
Амыр-дыштың шынаазы-даа чалбыышталды.

Утказы чүл — алдар анаа шимээн эвес,
Уттуушкунга сөстөр база алыспас-тыр.
Хөлөгези мөгөйгеннер чаглаа болуп,
Хөөрежир эш — мөңгө хүнге четкен-дир ол.

ЭЛЕНА

Черле кым сен, Элена кыс?.. Улуг-биче
Сени дээштиң изиг отта хайнып турар.
Хааннар хамаан, маназыннар,
Харын мени сактып келем.

Бурганнарның ыраажызы согур Гомер
Кайгап таалаан ирейлерниң халактаанын
Бурун шагның хозундан бээр дамчыдыпкан,
Кайгамчыктыг хевир-дүрзүң чуруваан-дыр.

Алдарыңның чайыннаажын, диңмит-даажын
Арттырып каан, өске чүү-даа көзүлбес-тир.
Эр бодум эндеведим —
Эгенгени ылап-тыр ооң.

Шак ол хостан ужуккаштың,
Чалыы шаамның бүдүртүңнээн дүжүнден-не
Эдеп бир кыс меңээ кээп-ле турар чораан...
Элена — ол сен-не-дир сен!

Алдар болгаш бак сагыш апаар кылдыр
Бүгүдөден сени бүдүү билип чор мен,
Бүдүртүң мээң чедишकिनим ынчалзажок
Аңгы кижги эдилээн деп хүлээведим.

Когда другая за мечты
Сожгла мне жизнь, любя,
Ты приняла ее черты —
Я потерял тебя.

Владимир СОКОЛОВ

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Хоть глазами памяти
Вновь тебя увижу.
Хоть во сне, непрошено,
Подойду поближе.

В переулке узеньком
Повстречаю снова.
Да опять, как некогда,
Не скажу ни слова.

Были беды школьные,
Детские печали.
Были танцы балльные
В физкультурном зале.

Были сборы, лагеря,
И мечты, и шалость.
Много снегом стаяло,
Много и осталось.

С первой парты девочка,
Как тебя забуду?!
Что бы ты ни делала —
Становилось чудом.

Станешь перед картою —
Не урок, а сказка.
Мне волшебной палочкой
Кажется указка.

Оон ол-дур — өске-бир кыс күзел сүргеш,
Ынак боду, чуртталгамны өрттеткенде,
Ооң хевир-дүрзүзүн сен хүлээп алдың —
Ынчан сени чидириптим, Элена.

Владимир СОКОЛОВ

Николай КУУЛААРНЫҢ очулгазы

БАШТАЙГЫ ХАР

Сактыышкын-даа караа-биле
Сени катап көрүп алыин.
Чалатпайн-даа, оода дүште,
Чоокшулап чеде берейн.

Чиңге доора кудумчуга
Катап база ужуражыйн.
Шаанда дег, аанакайын,
Чаңгыс сөс-даа ыыттаваайн.

Уруг чашкы муңгаралдар,
Школачы халаптар бар.
Күш-культура залынга
Балдарга дег танцылар бар.

Ылчыңнажыг, күзел-сорук,
Лагерьлерге чыыштар бар.
Көвей чүве хар дег эрээн,
Көвей чүве артып калган.

Бирги партаа олурган кыс,
Канчап сени уттуптар мен?!
Чүнү-даа бол кылырыңга,
Кайгамчык чүүл апаар турган.

Картадыва көре бээр сен —
Кичээл эвес, ылап-ла тоол.
Айтып турар мергең меңээ
Анаа эвес, хуулгаазын дег.

Ты бежишь.
И лестница
Отвечает пенъем,
Будто мчишь по клавишам,
А не по ступеням.

Я копил слова твои,
Собирал улыбки,
И на русском письменном
Допускал ошибки.

Я молчал на чтении
В роковой печали.
И моих родителей
В школу вызывали.

Я решил забыть тебя,
Выносил решение,
Полное великого
Самоотречения.

Я его затверживал.
Взгляд косил на стены.
Только не выдерживал
С третьей перемены.

Помнишь детский утренник
Для четвертых классов?
Как на нем от ревности
Не было мне спасу.

Как сидела в сумраке
От меня налево
На последнем действии
«Снежной королевы».

Халыптар сен — тепкииш эвес,
Клавиша
Кырлап маңнап чораан-даа дег,
Чада сеңээ
Ыры-биле харыы тудар.

Сөстериңни чыып ап чордум,
Хүлүмзүрүүң шыгжап чордум.
Орус дылдың бижимелге —
Орта эвес — чазар чордум.

Хайлыг муңгак аксым дуглап,
Номчулгага ыдым чидер.
Удаткан чок ада-ием
Школаже кыйгырты бээр.

Кежикти чоор, ойталаар деп
Кедергей-даа ботту хоруп,
Сени черле уттуптар деп
Чеже удаа шеневээнил.

Ханаларже хыйыртап каап,
Шиитпиримни шээжилээр мен.
Чүгле үшкү чапсардан-на
Чүрек күжүр шыдашпайн баар.

Дөрткү классчы уругларга
Утренникти сактыр сен бе?
Канчап аңаа хүннээшкинден
Камгаланып чадашчык мен.

«Хар кадынның» төнчүзүнде,
Эң-не сөөлгү көжегеде,
Мээң солагай талам орта
Караңгыда олурдуң чоп.

Как потом на улице:
Снег летит, робея,
Смелый от отчаянья,
Подхожу к тебе я.

Снег морозный сыплется,
Руки обжигает.
Но, коснувшись щек моих,
Моментально тает.

Искорками инея
Вспыхивают косы.
Очи удивляются,
Задают вопросы.

Только что отвечу им,
Как все расскажу я?
Снег сгребаю валенком,
Слов не нахожу я.

Ах, не смог бы, чувствую,
Сочинить ответ свой,
Если б и оставили
На второе детство.

Если б и заставили,
Объяснить не в силе.
Ничего подобного
Мы не проходили.

В переулке кажется
Под пургой взметенной
Шубка — горностаевой,
А берет — короной.

И бежишь ты в прошлое,
Не простясь со мною,
Королевна снежная,
Сердце ледяное...

Канчалчык оон кудумчуга:
Хар чаап турда, корга-корга,
Муңгагалдан дидимненип,
Мурнуң орта турбадым бе.

Соок хар дээрден дүжүп бадып,
Холдарымны чиртивиттер —
Чаактарымга хона каапкаш,
Ша-даа четпейн эрип калыр.

Хыраа-хардан кылаңнааштар
Чажың орта кыптыга бээр.
Аайын тыппаан карактарың
Айтырыглар меңээ салыр.

Харын чүү деп харыылаар мен,
Бүгү чүүдү чугаалаар мен?
Харны кидис идиим эжиц,
Шуут-ла сөстөр тыппайн баар мен.

Билип тур мен — катап база
Чашкы шагга арттырып-даа
Кагган болза, хоржок боор мен —
Харыы берип шыдавас мен.

Албадап-даа келир болза,
Тайылбыр бээр харыым кайдал.
Аңаа дөмей чүү-даа чүве
Өөренип эртпээн-дир бис.

Дүндүүштелген дүвү адаа
Доора чинге кудумчуга
Тончугаш — ас кежинден дег,
Бөртчүгөш-даа — оваадай дег.

Мээң-биле байырлашпайн,
Эрткен өйже маңнавыттың,
Хар кадын,
Дош чүрек...

Галина ПРИНЦЕВА

* * *

Шиповник цвел.
Шиповник цвел.
Над ним сгорали жарко пчелы.
И звон их, золотисто-черный,
как мед, был сладок и тяжел.
Шиповник цвел.
Шиповник цвел.
О, мудрость майской пасторали!
Соседи простыни стирали,
смеялись
и дразнили пчел.
С тех простыней вода текла,
свежей голубизны небесной.
Она была его невестой.
Потом — от сердца умерла.
Но перед тем, как умереть,
она в шиповнике том алом
его так сладко целовала,
что силы не было смотреть!
Кто их по краешку провел
и той воде велел пролиться?
Ребенок не успел родиться.
Шиповник цвел.
Шиповник цвел.

Инна ПРИНЦЕВА

* * *

Посмотри — сквозь меня видно речку и луг,
я прозрачна, я солнцем пронизана вновь.
Мне не надо друзей, мне не надо подруг,
я прохлада реки, запах трав, дым костров.

* * *

Ыт-кады частып келген,
 Ыт-кады чечектелген.
 Арылар-ла, өрттенип хып,
 Аажок дүймөп, үглевиткен.
 Шиилеп шуугаан аар алдын үннери,
 Чигири дег, митпек база амданныг.
 Ыт-кады частып келген,
 Ыт-кады чечектелген.
 О, майның чылыг, чымчак ыры,
 Оожургал бээр мергениңни!
 Кожалар дуу ак-чоорганнар чуп,
 Арыларны ажындырып, каттырышкан.
 Ак-чоорганнардан дырылаан суг өңү
 Ак-көк дээрниң чырык көккүрү-ле.
 Ол кыс ынчан душтук турган.
 Оон чүрээ шыдашпайн, мөчүп калган.
 Кызыл дустаар бетинде кыс
 Кып-кызыл ыт-кады үнген черге
 Ынаан аажок тааладыр ошкап турган,
 Ынаар көрбейн, карактарың дестирер сен!
 Оларны кым эң кыдыы-биле эрттиргештиң,
 Оон сугну төгүлзүн деп дужааганыл?
 Ынай чаш-даа төрүттүнмээн.
 Ыт-кады частып келген,
 Ыт-кады чечектелген.

* * *

Чырык хунге шондурупкаш, өттүр көстүр болу бердим.
 Шынаа, хем-даа шилдеерген мага-бодум өттүр көстүр.
 Херээңер чок, эжим-өөрүм, хей-ле мени дилевеңер.
 Хемниң шыгы, оът чыды, одаг ыжы болу бердим.

Я гнездовье для птиц и жильё для людей,
шорох в темном лесу и цветочная кровь,
бег по лужам, не высохшим после дождей.
Я прозрачна, я солнцем пронизана вновь.

Юрий ВОТЯКОВ

* * *

Откружились долгих девять лет —
листьями,
метелями,
дождями,
отплескались Енисейскими волнами, —
утекли,
растаяли,
как снег.
Ты на девять весен
стала старше.
Я на девять весен стал бедней.
Девять лет,
как свод бетонной арки.
Весны —
девятнадцать белых лебедей.
Из-под арки —
в выси,
вдаль,
по небу.
Белокрылые —
наотмашь
по любви...
Девять осеней трубили лету.
Девять зим
тропинки замели.

Дүннээн кушка — чылыг уя, кижилерге — бажың-сава,
Дүмбей эзим дунук даажы, чечектерниң арыг ханы,
Чайык соонда бусталгалак хөөлбектер суу болу бердим.
Чалынныг хүн шонултарга, өттүр көстүр болу бердим.

Юрий ВОТЯКОВ

Николай КУУЛААРНЫҢ очулгалары

* * *

Улуг-Хемниң чалгыы болуп чайтылажып,
харлыг дүвү,
 оңган бүрү,
 сиңген чаъс бооп,
узун тос чыл ээргииштелип эрте берди —
хар дег эрип, эстип калды.
Тос час сени, харың немең,
улгаттырды.
Тос час мени, ядарадып,
куруглатты.
Эрткен тос чыл —
эңмек хаалга дээвири дег.
Эрткен частар — тос ак куу куш —
эңмек хаалга адаанайдан
ырадыр-ла
 бедик дээрлеп
 ужуптулар.
Аккыр чүглүг чалгыннары
 херлип-херлип,
ынакшылче улдаан ышкаш..
Тос күс чайга медээ этсип, аян туткан.
Тос кыш келгеш,
кордал үзүп,
кокпа-орук хөртүктеп каан.

Не у юрты —
у росстани неба с землею
радость жизни встречи,
и грусть расставания пью.
По степи ускакала
моя молодая беспечность.
Я у росстани неба с землею стою.

К небесам припадаю
мечтой своей ранней.
Я-то знаю, есть реки высоких широт,
А судьба моя — капля в живом океане,
но и каплю возносит до звездных высот.
Только надо собой быть,
не лгать, не ютиться,
не моститься у времени на крыле...

Молодая беспечность — волшебная птица
улетела.
А я остаюсь на земле.

Евгений АНТУФЬЕВ

СЛЕД

Он против совести пошел.
Удачно выбрал брод.
Как речку,
Совість перешел —
Теперь пускай течет.

Потом сапог промокший снял.
Обсох на бугорке.
Портынку туже замотал —
Удобней чтоб ноге.

И прочь от речки зашагал
Туда,
Где дом его стоял.

Но мокрый след от подлеца
Чернел до самого крыльца.

Аккыр өөмгө хорувадым.
 Дээр биле черниң тудушканы белдирде
 амыдырал, ужуралдар өөрүшкүзүн,
 чарлыышкынның муңгаралын ижип чор мен.
 Сагыш амыр чалыы үем
 дезе берип, хову кежир чүгүртүпкен.
 Дээр биле черниң тудушканы
 белдирде бо тур мен.

Аныяк-чаш күзелимге чалгынналгаш,
 ак-көк дээрден кускактандым.
 Агым хемнер бедиктерде база бар деп билир мен.
 Ажыгы-биле, салым-чолум —
 амылыг бо далай-сугда дамды ийин.
 Шынап харын, дамдыны-даа
 сылдыстарлыг бедиктерже көдүрүптөр.
 Чүгле ботка өскерилбес, мегелевес,
 чүглүт үе чалгынының адаан орта хоруп орбас...

Сагыш амыр чалыы үем — хуулгаазын куш
 арлы берген.
 А мен черде артпышаан мен.

Евгений АНТУФЬЕВ

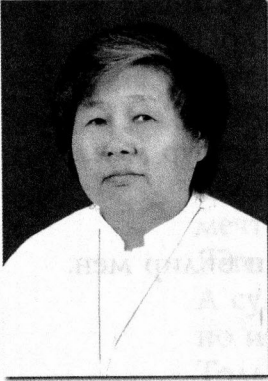
Николай КУУЛАРНЫҢ очулгазы

ИС

Арын-нүүрден адырлыксаан бир-ле кижги
 Таарымчалыг кежиг черни шилип алган.
 Арын-нүүрүн, хем суун ышкаш, сүзүп кешкеш,
 «Та чоонзун бо, ынаар агып чыткай аан» дээн.

Ооң соонда өде берген сапыын уштуп,
 Ээн дөңге маажымзымаар ора каапкаш,
 Ораашкынын дыңзыы дегет шарып алган —
 «Эптиг болзун буттарга» деп чугааланган.

Чаржынмайн-даа, хемчигештен амыр ырап,
 Карак ажыт бажыңынче базып чанган.
 Сагыш багы тудуп чиген хейниң изи
 Казапчаже ханы кара шөйлү берген...

Нина Ч Ы Р Г А Л

ЛОШАДЬ И ДЕВОЧКА

Маленькая девочка старательно завязывает за кустик жесткую веревку, а лошадь, привязанная к другому концу веревки, поглядывая на девочку, с удовольствием щиплет сочную траву. Они оба знают одну истину: девочка о том, что утром лошадь не окажется на месте привязи, а лошадь — что девочка завтра долго будет за ней гоняться по полю, пытаясь поймать конец веревки, чтоб вернуть ее в импровизированное стойло. Истина одна, так как одна исходит от другой, она одна еще и оттого, что они связаны одной веревкой друг с другом и еще она одна потому, что эти двое на каком-то незримом уровне связаны с болезнью хозяина лошади — дедушки девочки.

Пока девочка возится с грубой веревкой, лошадь и не пытается уйти с этого места, она чувствует, как девочка ее любит и жалеет, что она стала никому не нужной, или ей хочется так думать, да и девочку никто особо не ждет, и по этой причине они не спешат расстаться, ведь они оба заняты одним делом — девочка лошастью, а лошадь девочкой. Закончив возиться с кустиком и веревкой, девочка из карманчика выцветшего платяца достает присыпанные солью вдвое сложенные кусочки хлеба. Хлебушек для лошади на один жевок, даже меньше, но не в этом суть. Пока лошадь пытается выискать еще что-то, она пальчиками щекочет ее мягкие и большие ноздри. Убедившись, что больше хлебушка нет, лошадь фыркает и машет пушистым хвостом, хотя ни назойливых

комаров, ни другой напасти нет, возможно, от невеселых мыслей вознамерилась отмахнуться.

Время позднее. Туман из низин, как волшебная пелена, клубясь и растекаясь, обволакивает пригорок, на котором стоят лошадь и девочка. Весь мир утомился под покровом тумана, стрекозы не стрекочут — крылья намокли, птицы не поют — полон клюв воды, они не расстаются — не нужны более никому. Лошадь и девочка летят над облаками туманными. Ни озер, с зеркальным блеском, ни старенького домика со стойлом, ни тайги вдалеке, ни больного деда. Они вдвоем в этом океане звезд и луны. Кокой огромный фантастический Мир. Он предназначен именно для них, со своей беспредельностью и пустотой. Грива лошади и волосы девочки иногда цепляются за острие звезд, создавая легкий шорох, но они летят не оглядываясь, превратившись в одно огромное око. Тут никто, ни перед кем и ни в чем, иные отношения, иные измерения. Только Луна удивленно обозревает эту странную парочку, не понимая, кто они, зачем они, задают ли эти вопросы сами себе эти двое.

Хозяин лошади и дед девочки вот уже второй год плохо ходит и говорит с трудом после инсульта.

Проверив надежность своей работы, на сколько хватает ее сил, еще и строго наказав лошадке не покидать место пастьбы, девочка пошла спать.

Начали просыпаться разномастные птахи в округе, и туман начал сползать с пригорка, где паслась лошадь, девочка с тревогой оглядывает этот фантастический мир в полутонах. Солнце еще не скоро воссияет на небосводе, но ее предшествование уже оповещают самые ранние вестники — отражение лучей солнца в облаках на востоке, реденькие и несмелые птичьи голоса, девочка, обнаружившая отсутствие лошади на месте привязи.

Так и есть, лошадки на месте нет. Пока не упрекнули неумеху взрослые, пока объездчик не поймал лошадку за поправку посевов, пока роса голые ноженьки может обмывать, не давая жесткой траве нещадно колотья, девочка сбегает по шатким лесенкам из-под крыши и бежит за лошадкой.

Крыша над домом только называется крышей, а на самом деле это шатер над домиком, продуваемый насквозь всеми ветрами, обеспечивая обзор всей округи. Под крышей она спит еще и потому, что вроде бы исполняет еще функции сторожа всего двора. И это не раз оправдывало себя, но не об этом сейчас разговор.

Девочка, отчетливо видит следы лошади, пролегли по росе, и старается пробежаться по ним. Росинки, как изумрудинки,

свисают с каждого листика, с каждого цветочка, с каждой травинки, хотя этот след, по которому она перескакивает с кочки на кочку, проложен лошадью недавно. Такая эта планета, вся пропитанная водой. Зато травы мягкие, они разнообразные, причудливые и местами такие большие, как лес дремучий. Лошадка неизменно ночью уходит на их с девочкой место — за тридевять земель. Она, пощипывая травку, видит девочку бегущей издали, а убежать от нее и не думает, но внимательно следит, чтобы девочка не схватила за другой конец веревки. Как только она наклоняется, чтобы поймать веревку, лошадка отбегает и опять щиплет травку, зорко следя за ее действиями. Удивительно, как безошибочно определяет лошадь, где в данный момент находится конец привязанной к ее шее веревки. После нескольких попыток поймать животное, девочка чуть не плачет от издевательства лошади над ней, от холодной росы после тумана, намочившей ее платье почти до горлышка, от повторяющейся безвыходности ситуации и идет на берег речушки.

И зачем ей река, когда она и так вымокла по макушку от росы. «Пусть, пусть еще будет холодней и хуже», — горько думает она. Между пальчиков ее голых ножек беленькие цветочки-звездочки, ножки розовенькие и чистенькие от росы и трав, мокрое платьице заиграло всеми цветами, новей новенького, да и солнышко начало согрывать беспокойную головку, и в речушке резвятся стайки рыбок разных мастей.

Совершенно забыв о лошади, девочка, присев на бережок, начинает играть в речушке, то опуская ножки в воду, то вытаскивая их, распугивая рыбешек. Как только она опускает ножки в воду, разномастные рыбки облипают их и щекочут, то ли греясь, то ли чтоб исследовать, что это такое странное на них свалилось. Чистый песок в речушке в причудливом рисунке от золотистого солнца в небе, от теней трав, нависших с берега, от изящно скользящих рыб в воде и ряби от шалости девочки. Огромные стрекозы соревнуются над тихой речушкой, демонстрируя радужные крылышки. Зачерпнув в ладоши разноцветный песок, девочка разглядывает его, но он теряет прежнюю притягательность. Она аккуратно, чтоб рыбки свои жабры не засорили, возвращает песок в речку. Сколько раз девочка замечала, что при изъятии чего-то с его места, оно теряет прежнее очарование. Песню, которую она поет тихим и тоненьким голосочком, трудно назвать песней, так как она каждый раз, в зависимости от ее желания, может обрастать новыми куплетами, при этом и мотив пристраивается к новым сюжетам.

Лошадь, не дождавшись девочку у другого конца волочившейся

за ней веревки, подошла к ней, и довольно жестко треплет ее светлые волосы своими мягкими губами. Она мягко отмахивается от лошади, болтая ножками в воде. Ножки давно утратили чувство холода от росы и воды, видимо, костный мозг ее маленьких ножек сравнялся с температурой воды и воздуха, в которой она купается с самого утра.

— Ты плохая, не буду тебя любить, вот.— Без раздражения, констатируя факт их теперешних отношений, говорит она. Мягкие губы лошади теребят платице девочки в поисках хлебужка, а, может, в поисках извинения за тот поступок с веревкой...

Вспомнив, что ее хватятся дома, и, возможно, крепко попадет за долгую отлучку, девочка, собрав плохо гнущую, тяжелую и влажную веревку в неровные колечки и надев их на себя, как матрос патронташ, пошла домой. Лошадь осторожно, чтоб ненароком не наступить на ее голые пятки, идет чуть поодаль. Маленькие ступни девочки и круглые копыта лошади чавкают по нагретым от солнца лывам с гармоничной повторяемостью. Идут они долго и понуро. Она никогда не пыталась взобраться на лошадь, кто знает, по какой причине она этого не делала, возможно, считала, что лошадь дедова. Заметив, что лошадку начали донимать оводы, девочка побежала вприпрыжку, прыгая по переменке то на одной ноге, то на другой и при этом еще и успевая хлопнуть ими в воздухе. От ее прыжков водяные брызги разлетаются радужным веером. Лошадь тоже веселеет и ускоряет шаги.

Пристроив лошадку под навесом, то есть на место с громким названием — стойло, она ловко сооружает дымовые завесы вокруг ее. Для этих целей в укромном местечке в стеклянной банке, чтоб не намокли, припасены спички и береста, а все остальное для дыма она собирает тут же. Дымовая завеса еще и усовершенствована ею — старые тазы с дымовыми сооружениями могли устанавливаться с учетом направления движения воздуха, чтобы дым не попадал в глаза лошади. Лошадь, благодарно посматривая на девочку, решает вздремнуть под прохладной тенью навеса, мошкара уже не может донимать ее.

За девочкой и лошадью с любовью следит, сидя на веранде, дед. Она отрада его сердца, услада его взора, она то, что еще в этом мире дорого ему. Он понимает, много ей в жизни придется всякого встретить, не по возрасту и эта забота, но да ладно, за то другие заботы в жизни не окажутся трудней нынешних.

А девочке еще предстоит объясниться, где же она пропадала все утро без дела. Но прежде она успевает шепнуть деду:

— Доброе утро, деда!

А чем оно не доброе? Особенно после истечения многих лет. В этом Мире все относительно.

ВРЕМЕНА

По телефону:

— Я договорился с машиной.

— Ну и времена, мы, которые в свое время на каких только машинах не ездили, вынуждены с кем-то договариваться и просить, чтоб нас в кои-то веки «выгуляли» на речку.

«Выгуляли» — слово, какое-то собачье», — про себя продолжала ворчать она, хотя сама же и сказала. Абсолютно личное отношение к каждому слову, к смыслу слов, никогда не давало ей покоя. Раньше сослуживцы не понимали, из-за чего она без видимой причины вдруг напрыгалась, а сейчас — близкие.

— Не ворчите, Вы же хотели на Енисей съездить. Хорошо, что согласились нас ребята увести.

«Надо же, догадался о чем я думаю», — усмехнулась она:

— Видать хорошую цену назвали.

— Не об этом разговор, лучше соберитесь. Стану я одалживаться, не дождутся. — Говорит он.

— Что мне собираться, возьму стул и плед — все сборы. — «Репейник, но и не одалживайся, тебе же потом будет трудно», — подумала она.

Зависимость от других угнетала их, с возрастом утратив возможность самостоятельно ездить, они лишились свободы.

Дождавшись пока выключится компьютер, потянулась за шляпой. Ее компьютер именно сам решал, когда завершить работу. Программа иногда перескакивала со строки на строку, от этого тексты выходили совершенно бессмысленные, и она без всякого раздражения правила свой текст. Компьютер настолько был старый, все операции выполнял по своему усмотрению. Но не работать за ним она не могла, он был ее самый близкий друг, которому она могла доверить свои мысли. Изредка печаталась в местном журнале, но это никого не касалось. Люди утратили способность читать. Казалось, что в основном этот журнал печатался для тех же, кто там публиковался. Время от времени печататься в журнале или в газетах — для нее было еще одно свидетельство, что она еще мыслит, живет. Она мало общалась с другими авторами, не знакомилась,

но почти как строгий критик, читала все опубликованные работы, перечитывала, восхищалась, сокрушалась.

Отметив про себя, что привезли именно на то место, а именно к Большому камню, куда многие годы приезжала, купалась, отдыхала от города и людей, она пошла побродить по знакомым тропинкам. Пряный запах чабреца перебивал все другие запахи начала лета, эти крохотные сиреневые цветы настолько были родными, будящими многие воспоминания, даже ради одного этого запаха она могла ехать сюда. Одиночество для нее всегда было бесценным даром и благостью, которой она удостоилась, только когда вырастила детей, перестала работать и сама стала за рулем ездить. К уединению стремилась с детских лет, чтобы улететь в свои фантастические грезы. Ее мысли могли унести в другие века, в другие страны и в другие фармации. Жить по велению души, конечно, роскошь большая, но какая малая толика жизни нам на это отпущена.

Несмотря на преклонный возраст, зрение у нее отличное. Рерихские голубые дали горных цепей — это еще одно увлечение, разглядывать и дивиться их разнообразию. Каждый раз эти горы разные, хотя никуда они не деваются, не изменяют свои очертания. Эти горы были и будут такими, но кто их будет с таким любованием разглядывать и отмечать перемены со сменой времен года и дня. Мысленно молясь: «Край мой любимый и чистый! Пошли мне ясный разум, острое зрение и мудрость», брела по знакомым тропинкам. Она никому не рассказывала об особенностях гор меняться, эти чудные очертания оставила лично для себя. Каждую весну с тихим восторгом разглядывала цепи гор то из окна своей квартиры, то с берегов реки. Донести до чужого понимания всю гамму чувств словами невозможно, только художник с певучей душой, возможно, и донесет до таких же, как и он, всю прелесть этих далей. Обратив взор к горам, она еще и мысленно говорила с теми, кого уж давно нет, будто они, как вечные стражи, были там и следили в этой жизни за ее поступками. Но самое главное чудо — Енисей. С его прохладой и стремительностью ничто не могло сравниться. Разноцветные камушки, омываемые прозрачной водой, как драгоценности, милы ей. Сколько бы ни плавала в жаркие дни, уезжая с берега, всегда думала, что не накупалась, не нагладелась. Нравилось и то, что отвернувшись от всех, без объяснений можно смотреть на реку, и искаженное от слез и горечи лицо незаметно привести в порядок. Этот дар природы мог исцелить душу лучше любой религии. Тем более поразительно бесстрашие

пришлых китайцев, загрязняющих ее воды, добывая золото ради приобретения всего, что в итоге превратится в мусор.

Возвратившись, удивилась, что машины нет.

— Куда делись ребята, — и, не дожидаясь ответа, — я там зерна в кулечке взяла, давайте рассыпим их по валунам для птичек, говорят же, что пташки — души ушедших, пусть знают, что мы их помним, дед мой да ваши родители.

— Да. Уж давно один из предков сидит и ждет, но не зерен, а хороший кусок мяса, — указывая на большого взлохмаченного орла, смеется он, — наглый такой, все со стола норовит что-либо стащить, только не понять, чей предок, галеты ест, а хлебом брезгует, странные у этого предка предпочтения, явно он не мой. Пришлось кусочком мяса для шашлыков пожертвовать. А ребята сорвались куда-то, опять в город, наверное. Пусть. Когда надо, приедут. Пока вы ходили да проверяли на месте ли каждый валун, я стол сладил. На удивление — паташки как осенние, только ни запаха, ни вкуса. Помню, какие они были у нас в деревне. Хозяйки мелкие и зеленые оставляли на кустах созревать, да так и забывали. Бывало осенью идешь через огороды и подбираешь их с удовольствием. Вкус и аромат тех помидоров просто невозможно забыть.

А руки его на синих язычках затухающих углей умело готовили мясо. Единственное, что он умел готовить из продуктов, — шашлыки, правда, еще мог одним нажатием кнопки электрического чайника кипяток для кофе сварить. К шашлыку он готовился тщательно. Брал только свежие, охлажденные свиные ребрышки, притом, только со стороны позвонка, где меньше сала. Единожды выбранные специи более ни чем другим не заменялись. Остатки соевых прожилок растоплял до тонких хрустящих корочек. Шашлыки у него получались не жареные, а запеченные на углях. Он их готовил долго и основательно. По берегу плыл аромат отлично приготовленного мяса. Шашлыки заворачивались в лощеную бумагу, чтобы остались нежными и сочными до прихода едоков.

— Ну, давайте ваши кацапские паташки будем пробовать. Наготовили шашлыков вы на несколько человек, нам их и не одолеть, для клювистых предков со всего берега что ли?

— Да эти помидоры не кацапские, возможно, турецкие или китайские, один вид у них знатный, а так трава травой. А шашлыки пусть и ребята пробуют, им сколько ни дай, все мало. Сами-то они шашлыки почти всегда жжеными едят, а внутри сырыми. Им не хватает терпения долго и аккуратно их прожарить. Да и молодежь

почти не умеет с открытым огнем работать. По их мнению, если нет пламени, и жара нет, а то, что даже железо куют, накалив на углях листовницы, они же не видели. Цивилизация.

— Возможно, в вашей деревне еще есть те паташки?

— Был я нынче летом там, нет там тех помидоров, Удивительно, за одну человеческую жизнь настолько все поменялось, заметьте, не в лучшую сторону. Ладно паташки, ни одной избушки, ни баньки никто не построил в деревне за последние годы, вымирает моя родина. Мужики в большинстве безработные, потому пришибленные и растерянные. А ведь их отцы и деды выиграли ту войну и послевоенную нужду превозмогли. Какие у нас люди были, гордые, самостоятельные, занятые и значительные. И в их памяти не было стерто, в каких условиях их молодое государство, вопреки всем западным и иным государствам, подготовилось к войне, и мир спасло, да и первым космос покорило. Они обладали уверенностью, что не напрасно все. До сих пор на покосивших воротах затертые и облезлые звездочки, как свидетели их былой силы, сохранились. Там в каждом дворе были участники войны и не по одному. Я деревянные звездочки с ворот родительского дома с собой привез, пусть лежат с их орденами и медалями. Они там никому не нужны, как и все другие и везде, а оставить их, осиротевших, там не мог. Раньше каждый год к Девятому мая целыми классами эти звездочки красить мы ходили и хозяев дворов с праздником поздравляли. Негласный наказ был, чтоб сами фронтовики и члены их семей не подправляли эти звездочки, а чтоб школьники ко Дню Победы приводили их в порядок. И звездочки сплошь деревянные были, мы на уроках труда их вытачивали, а сейчас из этого деньги бы выжимали. — С этими словами он пошел к реке помыть руки или не руки...

— Не надо все хаять, а телефон сотовый, а Интернет, а парень, который ходил по деревне пинал катиhi да дрючком коровку погонял, кем стал, — в надежде, что диалект его деревни как-то развеселит, говорит она.

— Да, есть и много положительного, — смеется он, — а девочка из шифоньера в каких хоромах живет. — Принимает он ее начинание, напоминая о том времени, когда она, будучи еще ребенком, в интернате целый год из всей постельной принадлежности на одной подушке в шифоньере жила, чтоб только не спать с такими же горемычными девочками на одной кровати.

— Мы как-то не поговорили о сиротстве, — говорит она, — случайно увидела вчера американский фильм о старике

приблизительно наших лет. Он, с точки зрения российского обывателя, богач, даже баснословно богат, но он, уже находясь перед воротами вечности, сетует, что был оставлен матерью в детстве. Показано, как этот страх изгоя преследовал его всю жизнь. И профессию избрал независимую от других. Преследовал его и страх предательства. Из-за этого он всю жизнь боялся полностью довериться кому-либо, при этом парадоксально и то, что любое доброе отношение отдельных людей привязывало его к ним. Но люди предавали и предавали его. Возможно, только в его понятии с ним поступали несправедливо, кто знает.

— Когда-то у меня работал человек, выросший в сиротстве, он был много старше меня. Несмотря на его профессионализм, жизнь его не жаловала. С большим трудом я договаривался, чтобы выделили ему квартиру, им же заслуженную награду, он был один в этом мире, хотя и женат, детишки есть, просто физически чувствовалось его одиночество. Конечно, выросшие в сиротстве неудобные люди, слишком ершисты, обидчивы, безоглядно борются за справедливость, боятся доставить неудобство другим, но никогда мне не приходилось опасаться, что они покривят душой. Не думаю, что в сиротстве есть какая-то патология, скорее всего, у нас, у выросших в благополучии, притупилось чувство справедливости.

— Все-таки не уверена, что нет патологии, иначе, почему старик детское сиротство не может забыть. Слишком дорогую плату за поступки Евы и Адама человечеству приходится нести, может, это лекарство человечества от лжи и обмана. Не сорви яблоко с древа жизни эти двое, не было бы страданий на земле. — Смеется она.

— Вы в правильной последовательности назвали эти имена, обычно пишут и говорят Адам и Ева, хотя запретный плод первой все-таки сорвала Ева, а не Адам. Так кто виноватее перед человечеством? — Лукавит он.

— Возможно, последовательность имен произносят и не правильно, но всю тяжесть бытия несут все таки Евы, так что они отрабатывают за проступок прародительницы сполна. — Заступается она за Ев.

— На тему сиротства и адаптации их в социуме, наверное, можно написать диссертацию, но насколько это корректно и исследуемо, другой вопрос. Сироты военных лет и сироты нынешних времен разнятся совершенно. Да и мир выросших в сиротстве определенно другой, — подумав, продолжил он, — для них более определенный что ли, определенный тем, что надо надеяться во

всем только на себя и стоять за справедливость, несмотря ни на что, только в справедливости они, наверное, и ищут защиту. Во всяком случае, души выросших в трудностях, наверное, получают очищение с детства. А остальным чистилище души приходится перетерпеть по другим причинам и не всегда обязательно.

— Представьте, вы верно заметили, — сменила она тему, — я, правда, здесь с каждым валуном здороваюсь. Видимо, сознание в постоянстве в большой нужде. В этой жизни столь много неожиданностей, только эти валуны остаются постоянными, я их всех знаю в лицо. И стараюсь не обижать. Когда другие их для костра подставляют, а потом их развалившимися от разницы температуры из-за огня вижу, больно за них. Трудно в этой жизни спастись от произвола судьбы. И цветы сорванными видеть не могу, как сорвали, так и умирание наступает. И странно, чтоб кого-то порадовать, мы должны умертвить символ совершенства, то есть цветы. Глупости говорю, не берите на веру. Вы же знаете, что угодно могу наговорить.

— Знаю, вас послушать, так в этом мире все не то, что мы видим, то есть все относительно. Хорошо, что я человек реальных взглядов, иначе чему угодно можете склонить уверовать.

— Конечно, по вам так солнце восходит, а не земля повернулась к солнцу той стороной, где вы сейчас находитесь. У всех в памяти инквизиция застряла, как бы она не сожгла их на костре за правду.

Странные у них разговоры, ни о своих великовозрастных детях, ни об общих знакомых обычно не говорили.

— Не птица же, приземляйтесь, неудобно, наверно, на стуле.

— Спасибо, можно пристроюсь тут, — с этими словами она села спиной к спине к нему. Остренькие ее плечи замерли где-то на уровне его поясицы, — чудесный день, как на заказ. Какие мы счастливые, что можем видеть это. Заметили, нынче много журавлей прилетело. На косе их видимо-невидимо. Вы же говорите, что в это время одни мужики на косе отдыхают, а мамыши на гнездах сидят, представьте, сколько их осенью будет, когда журавушек на крыло поставят.

— Вот их постоянству можно поражаться, валуны что, эти птицы, прилетев с дальних странствий, каждую весну на одних и тех же местах гнезда выют и детишек растят. Трудяги великие, каждое лето одно и то же повторять. При отсутствии образного мышления могли бы они находить прежние места гнездовых, не только места гнездовых, но и свои гнезда. Мы же каждую весну наблюдаем, как на пригорке под тем кустом высиживаются птенцы

двумя журавлями. Возможно, магнитное поле у того куста особенное, что журавлям так успешно каждый год птенцов на крыло удастся поставить. Ученые до сих пор не нашли объяснения тому, каким образом им удастся места гнездовой находить. Подозреваю, что они места гнездовой вообще воспринимают как свое личное место, а мы люди, где себя чувствуем, что мы у себя, что кто-то в фуражке не подойдет и не скажет, что нельзя тут находиться.

— Вы же утверждаете, что это все по инстинкту, а не сознательно. Хотя не многим и человеческая жизнь отличается, только детишек каждую весну не производим, а так по кругу все и ходим.

— Но человек может изменить этот круг, а птицы нет. Да, поймали меня, появились у меня на этот счет сомнения. Настолько все разумно в жизни животных, удивительно. Думаю, некоторым людям такая запрограммированность не помешала бы. В крайнем случае, была бы предсказуемость в их действиях. Опять по телевизору об огромном воровстве чиновников говорили, слышали?

— Кто под себя гребет без устали, это их и есть программа, а по-вашему — инстинкт. Представьте, как будет сложно покинуть этот мир тем, кто нахал. И когда до них дойдет, что человеку совсем мало в этой жизни надо. — Говорит она.

— Наверняка, закомплексованность своим видом или наследственностью заставляет их чем-то прикрыться. Это, видимо, их способ самоутверждения. Они же еще и вынуждены зорко следить за тем, как другие к ним относятся. Их жалеть надо, а не смеяться над ними, где ваше милосердие? — Смеется он над ее непримиримостью. — При этом еще упоительно обманывать, как они любят все человечество, а потом за высокими заборами, сами того не осознавая, себя охранной обставяют и этой охраны же опасаться, невеселая у них жизнь. Не думаю, что из моего окружения на это кто-то добровольно согласится.

— Говорят, наш маленький министр на днях в коллектив пришел, а некоторые, когда он зашел в зал, не соизволили встать, так он стоял и пристально высматривал, кто же не приветствует его стоя и главному говорит: «Запиши этих и мне представишь список». А тот, конечно, пригнулся. И наш знакомый попал в этот список. Этот маленький министр, наверное, отыгрывается за те унижения, которые терпит от своего руководителя, человеческие отношения, как круги на воде, распределяет то, что получает. А того, кто в середине круга, вроде бы мы сами и выбираем.

— Суета сует. Что поделаешь, время слепого подчинения и

потребления, соответственно и правители из этой же обоймы, их времена настали. И на что тратят жизнь. — Сокрушается он.

— Да уж. Посмотрите, стоило солнцу зайти за тучу, как все вокруг поменялось. — Как всегда легко поменяла она тему разговора.

— Может, земля под облако пристроилась, по вам так все наоборот. — Намекает он об обвинении человечества в боязни инквизиции.

Она, поняв, что он уколол ее же оружием, только улыбнулась. Несмотря на их преклонный возраст, они ничего не прощали друг другу и каждую непоследовательность в мыслях и словах друг друга отмечали с удовольствием.

И оба свои взоры обратили на первозданные поля, где ни уродливых построек, ни частокола электрических столбов, ни людей с их нерешенными проблемами. Эти дали и эта река под тенью облаков так проявились, что стали гуще, четче, яснее, как будто у обоих зрение улучшилось.

— Неужели каждому надо пройти через города, асфальтированные площади, толчею незнакомых людей, что бы однажды, оказавшись под синим небом, у реки на лужайке, почувствовать, что это и есть бесценный дар. На это же можно смотреть бесконечно. — Говорит она.

— Любое гениальное произведение живописи, музыки и архитектуры, по-моему это бледное отражение великолепия этого мира, возможно, творение человеческого ума ценится нами всего лишь тем, что имеет свойство постоянства, а мир быстротечен. — Соглашается он.

— По мне так в музыке есть определенно Божественное, а музыканты — эльфы неземные. Может, счастье мы испытываем только тогда, когда слушаем настоящую музыку. Музыка и есть единственный язык, который преодолел национальные, возрастные и классовые различия. Возможно, музыка и дает нам понять, что есть в нас душа, а так больше разумом же живем. Наверное, прослушав настоящую музыку, потому-то стремимся остаться в одиночестве, чувствуя, что что-то расплещется, растеряется в нас, или наши души обнаженными другие увидят. Хотя, что за прок, этак проживать. — Подумав, продолжила. — Да и в живописи есть завораживающее, в музее Сурикова есть одна картина. Когда бываю там, хожу смотреть только ее, до этого дня еще никому не призналась, что туда хожу ради одной картины, — призналась она. — Но, если бы мне ее подарили, не посмела бы забрать ее, возможно, кто-то еще

туда приходит ради нее. Так что великолепия есть и в искусственно созданном, раз мы испытываем счастливые мгновения, обозревая его. — Ее противоречивость не дает ей согласиться с ним.

— А вы много ли раз испытывали ощущение счастья, «щенячьего» или такого счастья, которое вам запомнилось в этой жизни. Я, честно говоря, не могу вспомнить, испытал ли великое счастье в этой жизни. — Уходит он от ее пикировки. — Все, что могло меня радовать, всегда достигал с великим трудом. И тому, чему бы стоило радоваться, всегда предшествовало долгое и большое вложение душевной и физической работы. Полученный результат всегда был ожидаемый. А потом, поняв или достигнув что-то, всегда приходил к мысли, что впереди еще больший труд. И так бесконечно. Так что я ни разу не выпрыгивал из шкуры от счастья, как щенок при виде лакомства.

Как ни странно этот простой вопрос о счастье вверг ее в задумчивость. Подумав, она ответила:

— Наверно один раз я испытала это самое «щенячье» счастье, — смеется, — помню, была одна дома, и вдруг сын из Красноярска звонит и говорит, что сдал все экзамены и его зачислили в университет. Помните же, что тогда и звонить часто, и поступить без посторонней помощи было очень трудно, а он это сделал. Возможно, всплески моих эмоций обусловлены тем, что я была одна дома, и «щенячьего» счастья никто моего не видел. Не в моих правилах выражать ни дикий восторг, ни горе напоказ, вы же знаете. Из-за ваших таких вопросов лишней раз осознаешь, что жизнь — это всего лишь бесконечный труд, такие вопросы только подводят к печальям. И мысли, что счастливых мгновений не так уж много было, не радуют. По мне так лучше об этом не говорить, — пытается приземлить она его, — возможно, относительное благополучие тоже есть счастье, пусть не «щенячье». Я же представительница Евы. Меня могут радовать успехи детей, а представители Адама, конечно, не могут только земным удовлетвориться. Но при этом, если каждый из нас мог бы себе сказать к концу жизни слова наших предков, хотя бы только себе: «Честь имею», все было бы в ажуре.

— Возможно, счастье — это то, что каждый в своих мыслях себе задал и осуществил в жизни. И не обязательно, чтобы это соответствовало общепринятым стандартам. Раз уж создатель задумал нас непохожими друг на друга, и счастье пусть будет у каждого свое, пусть даже необъяснимое.

— Это определение точно Адамово, ни одна Ева не станет

животрепещущий вопрос о счастье переводить в плоскость философии. — Смеется она.

— Наконец-то, мы узнали насколько были счастливы в этой жизни и другим позволили иметь счастье, какое только им вздумается лелеять в мыслях, даже необъяснимое, может, скажете, в чем себя вините более всего, ни перед законом, конечно, а перед всевышним или перед самой.

— Не на исповеди я, и вы мне не духовник, — смеется она. — Возможно, как-то «дозреть» мне надо, как тем паташкам, коих вы подбирали в детстве, чтоб исповедоваться.

— Настаивать не буду. Из-за боязни, что нас не так поймут, много всяких мыслей потаенных в душе мы держим, как добычу, завоеванную в неравной войне. Один из людей, перед которым я хотел бы выговориться, это мой учитель. Он бы меня понял. Возможно, не простил бы мне того, что из профессии в последние годы ушел. А понять, наверно, постарался. Он всю войну прошел за операционным столом рядовым военным хирургом. Пришлось ему повидать такое, что все перипетии этой жизни не имели таких значений, чтобы склонить голову перед кем-то. Он там жил каждый день как последний, и в мирное время так же. И мы, его ученики, соответствовать старались ему. Многие, кто ту войну прошли, скорей сломаться могли, чем согнуться. — Задумчиво говорит он.

— А теперь представьте, что бы испытал ваш Каннуников, встретившись с самодуром — министром, который, даже не имея приблизительных качеств с ним, требовал бы от него приветствия, стоя навтыяжку.

— Его счастье, что он не дожид до этих времен. Бог миловал многих не видеть, что стало с этой страной, за которую они воевали да строили. — С печалью подытожил он.

— Парадокс какой-то, не дожить, чтобы счастливыми быть.

— Что поделаешь, у этого времени своя логика.

Николай РУБЦОВ

ПРО ЗАЙЦА

Заяц в лес бежал по лугу,
Я из лесу шел домой, —
Бедный заяц с перепугу
Так и сел передо мной!

Так и обмер, бестолковый,
Но, конечно, в тот же миг
Поскакал в лесок сосновый,
Слыша мой веселый крик.

И еще, наверно, долго
С вечной дрожью в тишине
Думал где-нибудь под елкой
О себе и обо мне.

Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого.

КОЗА

Побежала коза в огород.
Ей навстречу попался народ.
Как не стыдно тебе, егоза? —
И коза опустила глаза.
А когда разошелся народ,
Побежала опять в огород.

КОЙГУН ДУГАЙЫНДА

Аалымче чанып ор мен,
Аяң кежир арыгже углай
Койгун хөөкүй шурап ора,
Корткаш дуу-ла ора дүштү!

Далып калган чүве ышкаш,
Кезек када хоруп орташ,
Талдар бүргээн арыгдыва
Хөкпөш-хөкпөш ыңай болду.

Эзим киргеш, сура-аг барды,
Сиилээн чүрек ында доктаап,
Элдепсинип мени, бодун
Шинчилеп каап олур-ла боор.

Өлүрүп-ле чиирин бодаар
«Өңнүктери» арткан боорга,
Шагда Мазай дузалаанын
Сактып орган чадавас боор.

ӨШКҮ

Хөөкүй өшкү огородче маңнап орда,
Хөй кижиге аңаа уткуй эртип чыда,
«Ыянчыңны, ыңай бар!» деп алгырганнар.
Ынчан өшкү куду көрнүп тура дүшкен.
Чон катап оруун улап чоруптарга,
Чоонган деп, өшкү ынаар кире халаан.

МЕДВЕДЬ

В медведя выстрелил лесник.
Могучий зверь к сосне приник.
Застряла дробь в лохматом теле.
Глаза медведя слез полны:
За что его убить хотели?
Медведь не чувствовал вины!
Домой отправился медведь,
Чтоб горько дома пореветь...

ВОРОБЕЙ

Ю. Влодову

Чуть живой. Не чирикает даже.
Замерзает совсем воробей.
Как заметит подводу с поклажей,
Из-под крыши бросается к ней!
И дрожит он над зернышком бедным,
И летит к чердаку своему.
А гляди, не становится вредным
Оттого, что так трудно ему...

ВОРОНА

Вот ворона сидит на заборе.
Все амбары давно на запоре.
Все обозы прошли, все подводы,
Наступила пора непогоды.

Суетится она на заборе.
Горе ей. Настоящее горе!
Ведь ни зернышка нет у вороны
И от холода нет обороны...

АДЫГ

Адыгны ашак боолаптарга,
Ак хадыңга чөленип турушту.
Коргүлчүн ооң чүрээнче кирген,
Корткан аң мөөрөп ыглап тур.
Ону чүгө өлүрөр дээн чоор?
Ол хөөрткүй кымга хор салган!
Адыг өөнгө чедер ирги бе,
Ажы-төлү эмиин чоктаар-ла боор...

БОРА-ХӨКПЕШ

Чүгө дириг. Чыжыр үн чок,
Соок боорга, доңганы ындыг.
Сүт дег ак хар крышадан
Шолур-шалыр эрип бадар,
Бора-хөкпеш караа чырып,
Борбаш дигеш ону пактаар.
Чаңгыс борбак тараа көрзе,
Чазар эвес ону апкаш,
Сарайынче ужуп чанар.
Амыдырал берге боорга,
Аажы-чаңы каржы болбаан...

КААРГАН

Каарган херим кадарбышаан,
Карак салып манап орган.
Аалчылар бөгүн келбээн,
Амбарлар ам шоочалыг.
Ак харны дүвү бөөлдеп,
Аш дүннү оштап турган.

Херимде ол этпишаан-на,
Хевээр курут муңгак орган.
Чаңгыс борбак арбай-даа бол
Чажар кижки тывылбастаан.
«Шоруң-дур бе!» диген ышкаш,
Соок улам дыңзып орган.

СЕНТЯБРЬ

Слава тебе, поднебесный
Радостный краткий покой!
Солнечный блеск твой чудесный
С нашей играет рекой,
С рощей играет багряной,
С россыпью ягод в сенях,
Словно бы праздник нагрянул
На златогривых конях!
Радуюсь громкому лаю,
Листьям, корове, грачу,
И ничего не желаю,
И ничего не хочу!
И никому не известно
То, что, с зимой говоря,
В бездне таится небесной
Ветер и грусть октября...

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ах, кто не любит первый снег
В замерзших руслах тихих рек,
В полях, в селеньях и в бору,
Слегка гудящем на ветру!

В деревне празднуют дожинки,
И на гармонь летят снежинки.
И весь в светящемся снегу,
Лось замирает на бегу
На отдаленном берегу.

Зачем ты держишь кнут в ладони?
Легко в упряжке скачут кони,
И по дорогам меж полей,
Как стаи белых голубей,
Взлетает снег из-под саней...

СЕНТЯБРЬ

Хүннүң хемче аткан чырыгы
Күскү дээрни хаялаткан
Октаргайның тааланчыг,
Оожум-шөлээн өйү келди.
Ягаан-хүрең аяң чечээ
Салбаа салам бышкан катты
Чаваа малдар челдеринге
Чайыр чырыгын чажып ойнаан
Кандыг кончуг байырымныг
Кааң күстүг айы боор бо!
Хараачыгай, инектерниң
Караан долган өөрүшкү —
Моон артык чүнү күзээр,
Болбаазын каас үе-ле-дир!
Октябрьның муңгак хады
Оожум дүне хенертен кээп
Кандыг кышты дүжеп ыглаан,
Канчап мону билип аарыл...

БАШТАЙГЫ ХАР

Шиилээн-сыылаан оожум дүвү
Башкы харны бөөлдеп эстээн.
Силиг суурну, алаак, хемни
Магадавас кижиге бар бе!

Суурда дүжүт сөөлгү дою,
Чугаа, ыры, гармонь үнү.
Харжыгаштар хадып эстээн,
Хамык чоннун хөглүү аажок.
Шынаа кежир халаан булан
Чыгтты хаккаш, тура дүшкен.

Кымчының сээ херээ чүү деп?
Шанактыг аът ужудуп ор.
Кышкы алаак эриин дургаар
Сыя ак торлаа ужуккан дег,
Хыраа-дүвү бурулап чор.

Ах, кто не любит первый снег
В замерзших руслах тихих рек,
В полях, в селеньях и в бору,
Слегка гудящем на ветру!

ВО ВРЕМЯ ГРОЗЫ

Внезапно небо прорвалось
С холодным пламенем и громом!
И ветер начал вкривь и вкось
Качать сады за нашим домом.

Завеса мутная дождя
Заволокла лесные дали.
Кромсая мрак и бороздя,
На землю молнии слетали!

И туча шла, гора горой!
Кричал пастух, металось стадо,
И только церковь под грозой
Молчала набожно и свято.

Молчал, задумавшись, и я,
Привычным взглядом созерцая
Зловещий праздник бытия,
Смятенный вид родного края.

И все раскалывалась высь,
Плач раздавался колыбельный,
И стрелы молний все неслись
В простор тревожный, беспредельный.

НЕ ПРИШЛА

Из окна ресторана —
 свет зеленый,
 болотный,
От асфальта до звезд
 заштрихована ночь
 снегопадом,

Шиилээн-сыылаан оожум дүвү
Башкы харны бөөлдеп эстээн.
Силиг суурну, алаак, хемни
Магадавас кижги бар бе?

ДИҢМИРЭЭШКИН ҮЕЗИНДЕ

Чаъстың тудуш күштүг чалгыы эзим-каскаан
Чайырадыр хайыра чок силгип турда,
Караңгыны чаңнык оду кызаш кылдыр
Каш-даа катап чырыш кылдыр диле шаап тур!

Соок чалбыыш үрүп чайган сүрлүг чаңнык
Соксаал чокка кудай-дээрни сиртиледир,
Чоога өрү пөштү, дытты салбаңнадыр
Шоолаан хадын дошкуурады кышкырып тур.

Дээрде булут дагны дагже чууктай бөөлдеп,
Тенээн малчын хою-биле алгырышкан.
Чүгле хүрээ чаңнык адаа ыжык черде
Сүзүү ыдык туружунга ынанып тур.

Мен-даа база бодалымга шымны берген,
Октаргайның каржы дошкун шоодундан
Меңнеп кортпас төрээн черге бүдүү болчуп,
Оожуктур дарина номчуп, тейлеп тур мен.

Дээр шаары диңмирээшкин буступ, ырап,
Кудай ээзин кавайынга ыглаңнадыр,
Дендии оккур согуннарын кызаңнады
Куду алзы делгемнерже шыва-ла тур.

КЕЛБЕЙН БАРДЫҢ

Ресторан соңгазындан
 шалбаа чыттыг
 ягаан чырык
Асфальтыдан
 айже үндүр,
 ак сүт дег,

Снег глухой,
 беспристрастный,
 бесстрастный,
 ХОЛОДНЫЙ

Надо мной,
 над Невой,
 над матросским
 суровым отрядом.

Сумасшедший,
 ночной,
 вдоль железных заборов,
Удивляя людей,
 что брожу я?
 И мерзну зачем?

Ты и раньше ко мне
 приходила нескоро,
А вот не пришла и совсем...
Странный свет,
 ядовитый,
 зеленый,
 болотный,

Снег и снег
 без метельного
 свиста и воя.

Снег глухой,
 беспристрастный,
 бесстрастный,
 ХОЛОДНЫЙ,

Мертвый снег,
 ты зачем
 не даешь мне покоя?

аттыгып тур.
Эгел дүлей,
тала тыртпас,
хөөнзүргей,
соогу кончуг
Ак туман
Нева хемниң
кырында бо
далай шерии.
Албыстаан мен
дедир херим
кыдыын дургаар
Амытанны
кайгады-ла,
доңуп-дожап,
тояп чүмүл?
Шаанда база
менче кээрге,
шак-ла мынчаар
Шак-үе
барымдаа чок
озалдаан сен,
Ам шуут келбейн бардың..
Анчыг чырык,
шала ягаан
шалбаа чыттыг
хоралыг өң.
Хар-ла, хар-ла,
дүвү-даа чок,
улуvas-даа,
шип-ле шимээн.
Эгел дүлей,
ээлдек эвес,
хөөнзүргей,
соогу кончуг
Өлүгөн хар,
сен чүге
меңээ дыш чок
болу бердиң?

А ДУБА НЕТ...

Поток, разбуженный весной,
Катился в пене кружевной,
И озаряемый луною
Светился тихо край родной.
Светился сад, светилось поле
И глубь дремотная озер, —
И ты пошла за мной без воли,
Как будто я гипнотизер...
Зачем твой голос волновался
И разливался лунный свет?
Где дуб шумел и красовался,
Там пень стоит... А дуба нет...

В ГОРОДЕ

Как часто, часто, словно птица,
Душа тоскует по лесам!
Но и не может с тем не слиться,
Что человек воздвигнул сам!
Холмы, покрытые асфальтом
И яркой россыпью огней,
Порой так шумно славят альты,
Как будто нету их родней!

ВЕСНА НА БЕРЕГУ БИИ

Сколько сору прибило к березам
Разыгравшейся полкой водой!
Трактора, волокуши с навозом,
Жеребята с проезжим обозом,
Гуси, лошади, шар золотой,
Яркий шар восходящего солнца,
Куры, свиньи, коровы, грачи,
Горький пьяница с новым червонцем

А ДУБ ЧОГУЛ...

Хөвүк хээлиг часкы үер
Хенертен кээп дагжап батты.
Көк дээрде чайыннаан Ай
Кежээ дургу чуртум өөртү.
Сад биле алаак чырыгы
Оожум хөлдү удуууп тур —
Чаражым сен мээң соомдан
Оруум часпайн чоруп ордуң.
Айның чырыгы чүт-ле көрем,
Ам чүте ыгыт чок бардың?
А дуб чогул... Төжээ арткан,
Аажок чараш турбажыкпе...

ХООРАЙГА

Сакса дангаар үргүлчү-ле куш ышкаш
Сагыш саргып арга-арыг дүшке кирер.
Канчаарга-даа, кижиге хөөкүй бодунуң-на
Кажаазынга биеэ хевээр чаңчыкпаан бе!

Алдын оттар түмен чинчи чивеңнеткен
Асфальтыга шыптыныпкан тейжигештер.
Оон эрткен эргим чүве чок-даа ышкаш
Оларны-ла ырга алгаар элдептиг аа!

БИИНИҢ ЭРИИНДЕ ЧАС

Озаң покту часкы үер
Хадыңнарже тырый шаапкан.
Оргу дески ногаан булук
Кааң дээрни көрүнчүктээн.
Үнүп орар эртенги хүн
Үстүү дээрде, адаа черде
Саар кулун өткен мыяа
Шаар дээрже дедир тоглаан.

У прилавка
и куст под оконцем —
Все купается, тонет, смеется,
Пробираясь в воде и в грязи!

Вдоль по берегу бешеной Бии
Гонят стадо быков верховые —
И, нагнувши могучие выи,
Грозный рев поднимают быки.
Говорю вам: — Услышат глухие! —
А какие в окрестностях Бии —
Поглядеть — небеса голубые!
Говорю вам: — Прозреют слепые,
И дороги их будут легки.

Говорю я и девушке милой:
— Не гляди на меня так уныло!
Мрак, метелица — все это было
И прошло, — улыбнись же скорей!

— Улыбнись! — повторяю я милой. —
Чтобы нас половодьем не смыло,
Чтоб не зря с неизбывною силой
Солнце било фонтаном лучей!

Сараат сөөрткен трактор-даа,
Дагаа, кастар, хаван, малдың
Даваннары шуут дедир.

Ушкан тояан арагачы
Алдын хүннү чыртанышкан,
Ужу-даа чок хөөлбекте
Амытаннар эштип хөглээн
Калчаа далай Бии хемниң
Эриин дургаар буга бустаан,
Караа чок-даа кижиге болза
Эриккиже магадааштың,
Караа көстүп каттыргы дег,
Кааң арыг кудайны, о!

Часкы булук кыры-биле
Чаттып баткан кылаң сугга
Амыраамның менче кайгаан
Арнын көрүп чугааладым:
— Шала муңгак менче көрбе,
Частың чараш арнынче көр.
Хүнге чайнаан хүлүмзүрүүң
Күзелимни өөртүп ханзын.
Кудай-дээрден аткан фонтан
Куду-сузум чүгзүн, өршээ!

Елена О С Л И Н А,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской литературы ТувГУ*

МОТИВЫ ЛИРИКИ СЕРГЕЯ ПЮРБЮ (к 100-летию со дня рождения С.Б. Пюрбю)

Сергей Бакизович Пюрбю (7 сентября 1913 г. — 27 декабря 1975 г.) — признанный классик тувинской литературы. Его вклад в историю литературы и культуры Тувы в полной мере еще не оценен, хотя в критических статьях и немногочисленных исследованиях, посвященных его жизни и творчеству, закономерно тенденциозное советское литературоведение отмечало в качестве достижений его поэзии прославление «новой жизни, партии Ленина, дорогой Москвы...», а в годы сталинского режима было указано на «крайне низкий идейно-политический уровень» его произведений [Бузыкаева, с. 211] и т.п. Односторонние оценки и несправедливые обвинения искусственно ограничивали творческое пространство и степень влияния Пюрбю — автора и гражданина. Современный взгляд с художественных позиций на стихи поэта лишь укрепит убеждение в несомненном таланте признанного мастера тувинской литературы.

«Знаменитый», «старейшина и запевала», «тонкий лирик» — эти эпитеты лишь часть из ряда разнообразных определений достоинств личности писателя и его творчества. Путь становления его характера в годы тяжелых испытаний, формирование творческой индивидуальности под влиянием классиков мировой литературы в процессе изменений в частной жизни и жизни республики, а также особенности писательского стиля Сергея Пюрбю представлены в литературоведческих исследованиях в контексте истории тувинской литературы (см. об этом работы М.А. Хадаханэ и др.). Необходимо

объемное монографическое изучение и, следовательно, комплексное разностороннее идейно-художественное представление произведений Пюрбю, а также его вклада в историю перевода [Комбу]. О пересмотре подходов к изучению истории тувинской литературы свидетельствуют и замечания учителей, полагающих, что в школьном преподавании содержательная и методическая составляющая темы «Творчество Сергея Пюрбю» в настоящее время также требует уточнений и изменений [Донгак, Ооржак]. Читателям и исследователям нужно выверенное научное издание текстов произведений Пюрбю с содержательными комментариями.

В статьях литературоведа и критика М. Хадаханэ лаконично и точно указано на проблему качества переводов: «неравномерность, разностильность, неравноценность» [Хадаханэ, с. 66], а в результате — на «потерю поэтического дыхания» [там же]. Несмотря на справедливые замечания, переводы позволяют представить разнообразие составляющих образно-мотивной системы и стихотворных ритмов поэтических произведений Пюрбю, хотя в стихотворной форме оригинала и перевода случаются несовпадения. Например, текст оригинала хорошо известного стихотворения «Монгун-Тайга» (1944) состоит из восьми строф, а в переводе на русский язык В. Державина их семь. Часто упоминаемая как особенность творческих поисков в области стихосложения введенная Пюрбю в практику тувинской лирики «лесенка» Маяковского не выдержана С. Липкиным при переводе им стихотворения «Кара-Сут» (1945). Об этих несовпадениях писали Р. Донгак и М. Ооржак в работе «Проблемы изучения «возвращенной поэзии» Сергея Пюрбю» [Донгак, Ооржак].

Поэт и переводчик М. Скуратов в предисловии к сборнику «Когда улетают журавли» отметил роль Пюрбю в тувинской литературе: «В советской тувинской поэзии он знаменит как старейшина, зачинатель. Нет ни одной темы в его богатом поэтическом хозяйстве, которые не были бы потом подхвачены и развиты последующими поколениями тувинских поэтов» [Скуратов, с. 5]. Одним из лейтмотивов лирики и лиро-эпики Пюрбю является мотив движения, реализующийся в образах пути, дороги, скачки или езды на машине, полета. Так, в стихотворении «Моей Туве» (1945, перевод на русский язык М. Скуратова) организующий лирический сюжет мотив поездки по стране («Я /На Саянах древних /побывал, ... Я ездил /по Сибири сколько раз ...») позволяет поэту или его лирическому герою увидеть «поля бескрайние», «зеленую кольчугу лесов» и ощутить восторг от открывшегося «простора для сердца и для глаз».

... Я взор

над ширью Родины простер...

Отечество! —

безбрежен твой простор.

Но если б

мне сказали:

«Выбирай!» —

Я выбрал бы

родной тувинский край:

Здесь —

выси древних крутобедрых гор,

Здесь —

воды рек,

ласкавших с детства взор,

Здесь —

каждый кустик, травка, прах земли, —

Частицей жизни

и в меня вошли!

«Моей Туве» [Пюрбю 1967, с. 3-6]

Поэтическое вдохновение и полнота чувств неразрывно сочетаются с масштабностью охвата отдельных природных реалий географического пространства огромной страны, даже с уточнением особенностей климата, что в результате художественно являет «безбрежный простор» Отечества, в котором естественно единственной «частицей жизни» осознается «родной тувинский край».

Данное произведение отдельными мотивами широты пространственного охвата и движения взгляда автора закономерно напомнит оду М.В. Ломоносова «Ода на день восшествия на ... престол ... императрицы Елизаветы Петровны 1747 года»; сложный и объемный хронотоп — стихотворение М.Ю. Лермонтова «Родина»; а категоричный и однозначный ответ на поставленное условие — есенинские строки стихотворения «Гой ты, Русь моя родная...»: «Дайте родину мою!». Таким образом, при изучении отдельных произведений Пюрбю необходимо использовать богатые возможности сравнительного анализа. Несомненно, интересные результаты даст применение и других литературоведческих методов.

Одно из стихотворений Пюрбю-поэта показательно своим названием: «Дорога к звездам» (без датировки, перевод на русский язык В. Щепотева). Судьба поэта и жизнь его страны показаны как реальное подтверждение ставшего негласным девизом древнеримского изречения «Per aspera ad Astra» (через тернии к звездам). Несмотря на испытания, пережитые писателем в период репрессий, он сохранил радостное мироощущение в восприятии окружающей его новой жизни с ее динамикой человеческих свершений. Полет Юрия Гагарина и «кобальт, добытый в Хову-Аксы» представлены как эпохальные деяния, открывающие человеку иной

мир, «что тьмою вселенской сокрыт» был в прошлом, куда сегодня ведет новый «космический путь».

Интересна пространственно-временная организация произведения. Историческое прошлое земного бытия человека представлено как воспоминание о радости от сделанного отцом из «осины сухой» лука «с тетивой, струн певучих милей» с одновременным разочарованием от того, что «стрелы ... не летят они выше горы». Настоящее связано с реализацией мечты: сказочной картины парения меж звезд богатыря или романов фантастов о полетах на Луну или Венеру. Для Пюрбю именно полет Гагарина «сделал явью сказание о Курбусту» (Курбусту-Хан — персонаж народных сказок, владыка небес). Но поэт не просто смотрит в будущее, в котором прозревает воплощением человеческого труда «звездолеты послушные» и «космический путь» космонавтов». Он лично деятельно и радостно готовит грядущее воплощение мечты.

В поэтически представленном прошлом у Пюрбю возможности освоения человеком жизненного пространства были художественно локализованы, в частности, образом горы и полета стрелы. В современности поэт рисует новые возможности человечества: он раздвигает земные пределы — восхищается тем, что Гагарин «улетел в неизведанную высоту», а также тем, что этот полет станет залогом будущего освоения Вселенной: «дети мои мир откроют, что тьмою вселенской сокрыт».

Эпитет «неизведанные» и метафора «открытия мира, сокрытого тьмой» позволяют сочетать образ осваиваемого галактического пространства и идею нового знания с вечным мотивом света, побеждающего тьму. Призрачные видения обрели воплощение, это представлено поэтом как утверждение человеческой воли и силы духа людей, а не веры в сказочные чудеса. Энергия движения от Земли в космос передается с помощью ритмометрических особенностей динамики акцентного стиха и «лесенки».

Совершенно иное звучание обретают у Сергея Пюрбю строки о любви двоих людей. Нежность чувств и глубина переживаний лирического героя тонко переданы в стихотворении «Ты прекрасна» (перевод И. Принцевой).

Ты прекрасна.

Я долго бродил по степи, собирая цветы.

... Мой подарок завянет в запылившейся банке,

И обидишься ты.

Ты прекрасна.

Я много работал, чтоб осыпать тебя серебром.

В драгоценной оправе постареет родное лицо...

Ты прекрасна.
Украшенья — на лето, цветы — на весну.
Знаешь, осенью все потеряет свою новизну.

Ты прекрасна.
Завянет лицо,
Почернеет литье.
И останется только любовь и терпенье твое.
[Пюрбю 2002, с. 59]

Всего четыре строфы, начинающиеся короткой, но многозначной фразой-утверждением: «Ты прекрасна». Она позволяет читателю вспомнить библейскую «Песню песней» царя Соломона с ее ставшими классическими поэтическими строками выражения извечного восторга и преклонения перед совершенством возлюбленной: «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!» (Песнь Песней. Глава 4).

Стихотворение Пюрбю исключительно в своей индивидуальности. Хотя в тексте изящно и гармонично сочетаются узнаваемые по хрестоматийным произведениям любовной лирики мировой литературы мотивы собранного букета в подарок «той девушке, которую люблю» (Н. Рубцов), желание одарить возлюбленную, отдав ей все, что есть ценного, «все, все земное» (М. Лермонтов), или «ее лицо в его простой оправе» (А. Блок), а также другие образы. Отметим, что проблемы компаративистики при изучении творчества Пюрбю еще ждут подробного рассмотрения.

Сергею Пюрбю удалось в небольшом по объему поэтическом тексте показать разнообразие и единство чувств человека: влюбленного, любящего и любимого, для которого нет в мире ничего драгоценнее и нужнее вечной взаимной любви: даже если внешние реалии изменятся под влиянием времени. Пылкая юношеская влюбленность становится непреходящей любовью, несмотря на то, что возлюбленная может измениться или «постареет родное лицо». Старость не может обесценить чувство, хотя время неизбежно уничтожает молодость человека, природа может утратить нежность и красоту: «завянет в запылившейся банке» подаренный букет, или «почернеет литье» «драгоценной рамы» портрета любимой. Внешние признаки старения: потемневшее серебро, увядание — закономерны и неизбежны, как естественная смена времен года: это цветы весной, украшения лета или осень с ее ощущением конца и невозможностью обновления.

Несмотря ни на что, в стихотворении Пюрбю нет печали отрицания, потому что истинное глубокое искреннее чувство не исчезает, не увядает, а остается и неизбежно усиливается, удваивается

взаимностью любящих. Жизнеутверждающий пафос философского подтекста любовной лирики Пюрбю напомнит лирические строки признаний так любимого им А. Пушкина, по образности — лирику И. Бунина или Н. Рубцова, но по глубине лаконично выраженной мысли — восточных поэтов.

Поэтически многогранно представлен мотив верной дружбы в восьмистишии «На прощанье, на боль нашей вечной разлуки» (перевод И. Принцевой):

На прощанье, на боль нашей вечной разлуки,
Тьмой лица отстраняясь от всех провожающих лиц,
Вы не ждали обратно, не дарили любви побрякушек,
Ваша дружба была словно черный ночной кипарис.

Подарите мне ветку своей вечной, неподкупной печали,
Ей укурюсь от невзгод и предательств земных,
Потому что, когда мне напутствия громко кричали,
Ваша горечь была, словно черный ночной кипарис.

[Пюрбю 2002, с. 59]

Неожиданное использование образа кипариса, точнее, «черного ночного кипариса» в художественном сравнении истинной дружбы несколько не диссонирует с общей трагедийностью контекста поэтических строк стихотворения.

Единственная живая природная реалия, упоминаемая в стихотворении — кипарис, «дерево печали» — один из традиционных символов смерти и траура. Физической же смерти героя нет, поэтому кипарис оказывается символом гражданской смерти, а может быть, политической. Но в стихотворении нет и намек на несвободу воли и духа героя. Кипарис — символ многозначный, он также может представлять выносливость, упорство и доблесть (в христианстве). В Азии кипарис — эмблема долголетия и бессмертия, как и другие вечнозеленые деревья-долгожители. В Греции кипарис имел двойственную репутацию: ... он стал символом возрождения и жизни после смерти в траурных церемониях (по «Словарю символов» Дж. Трессидера). В Китае — символизирует духовную стойкость, неизменность устремлений, жизненную силу, долголетие. Образы эти пришли из фольклора и встречаются еще в «Шицзине» («Книге песен», XI-VII вв. до н.э.). У Гете же: «...чистый, юный, летящий вверх кипарис ... всестатная красота!».

Внутренний стержень лирического героя может напомнить нам «образ кипариса в демонстративном соединении со словами-сигналами русской гражданской лирики, в том числе и с понятием «свобода», возникает в одном из последних поэтических текстов

К.Н. Батюшкова, в цикле лирических миниатюр «Подражания древним» (1821) [Лебедева, с. 72]:

Взгляни: сей кипарис, как наша степь, бесплоден, —

Но свеж и зелен он всегда.

Не можешь, гражданин, как пальма, дать плода?

Так буди с кипарисом сходен:

Как он уединен, осанист и свободен.

(К.Н. Батюшков, 1821)

Стихотворение Пюрбю по жанру напоминает одновременно дружеское послание и философскую элегию на вечную тему о жизни и смерти. В нем узнаваемы события личной жизни поэта. Композиционно оно построено на оппозициях-сопряжениях. Общая тема воспоминания о прощании, заявленная в первом значимом слове, усиливается психологическими, физиологическими, звуковыми и даже цветовыми образами крика, «боли», «печали», «горести», «тьмы лиц», «черного ночного кипариса». «Вечная разлука» определяет особенность развития лирического сюжета: насильственное расставание друзей, проводы героя, уезжающего не по своей воле, а из-за «невзгод и предательств земных», а значит, людских предательств, о которых герой знает или догадывается. Физический отъезд-разделение не означает разрыв духовных связей с истинными друзьями, которые не обманывали надеждой на скорую встречу: «не ждали обратно, не дарили любви побрякушек». Единственная просьба покидающего друзей героя — это насущная необходимость, это мольба о возможном спасении: «подарите мне ветку своей неподкупной печали». Сложный метафорический перифраз «черного ночного кипариса» осознается как символ дружеского участия и взаимопомощи, вечности дружеских чувств и обоюдной верности, искренности и стойкости даже в горести разлуки.

Спасение героя в его вере в друзей и уверенности в их неподкупности, а также неизменности, постоянстве в собственных убеждениях и поступках. Именно символом такого постоянства осознается образ кипариса, сочетающего в себе различные значения. Неслучайно поэт как рефрен повторяет чуть измененную строку-утверждение в конце каждого четверостишия.

Поэзия Пюрбю богата и многообразна в жанрово-стилевом и идейно-тематическом плане. Мир лирики поэта отражается в различных гранях его стихов, свидетельствует о глубине его чувств, цельности его личности и несомненном художественном даре. Творческий путь поэта совпал со сложными и противоречивыми событиями в истории страны, что не позволило свободно развиваться его таланту, но поэт нашел свою «дорогу к звездам».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Слово редактора.....	3
----------------------	---

П О Э З И Я

Салим МОНГУШ. Переводы.....	6
Александр БЛОК	
«Не презирайте, бога ради...».....	6
Моей матери.....	6
«Саргаргылаан чечектерлиг...».....	7
Авамга.....	7
«Пусть светит месяц — ночь темна...».....	8
«Давно мы встретились с тобою...».....	8
«Ай чырыырга-даа — дүн дөмей караңгы-дыр...».....	9
«Сээң-биле үе-дүпте душкан ийик бис...».....	9
Смерть.....	10
«Отрекись от любимых творений...».....	10
Өлүм.....	11
«Чогаадып каан бүгү ынак чүүлдериңден...».....	11
«О, весна без конца и без краю...».....	12
«Ужу-кыдыы, төнчүзү чок кайгамчык час...».....	13
«И я любил. И я изведаль...».....	14
Поэты.....	14
«А мен база ынак чордум. Ынакшылдың...».....	15
Шүлүкчүлөр.....	15
«Я пригвожден к трактирной стойке...».....	18
«Ты так светла, как снег невинный...».....	18
«Арагалаар бажыңда мен дүп-шаг болдум...».....	19
«Ырак черде хүрээ дег ак...».....	19
«Под шум и звон однообразный...».....	20
«Как тяжело ходить среди людей...».....	20
«Чаңгыс айлаан чалгааранчыг шимээн-дааштыг...».....	21
«Кижилерниң аразыңга дириг болуп...».....	21
«Ночь, улица, фонарь, аптека...».....	22
«Я коротаю жизнь мою...».....	22
«Благословляю все, что было...».....	22
«Караңгы дүн, кудумчу, фонарь, аптека...».....	23
«Мөөрөп чалгаан чуртталгамны...».....	23

«Эрткен-барган бүгү чүүлдү йөрээп тур мен...».....	23
«Миры летят. Годы летят. Пустая...».....	24
«Чылдар шуужуп, делегейлер ужуп эртти...».....	25
К Музе.....	26
Музага.....	27
«О, я хочу безумно жить...».....	28
Коршун.....	28
«Бүгү чүүлдү мөңгөжидип...».....	29
Дээдиген.....	29

П О Э З И Я

Василий МОНГУШ. Переводы	30
Федор СЛЕПУШКИН Осень.....	30
Күс.....	31
Михаил СУХАНОВ Песня.....	30
Ыры.....	31
Песня.....	32
Ыры.....	33
Федор ТУМАНСКИЙ Птичка.....	34
Василий КРАСОВ Песня.....	34
Федор ТУМАНСКИЙ Кушкаш.....	35
Василий КРАСОВ Ыры.....	35
Николай ОГАРЕВ Старый дом.....	36
Эрги бажың.....	37
Афанасий ФЕТ «Какое счастье: и ночь, и мы одни...».....	38
Аполлон МАЙКОВ Сенюкос.....	38
Афанасий ФЕТ «Экизин аа! Ыржым дүне ийилээн бис...».....	39
Аполлон МАЙКОВ Сиген кезилдези.....	39
Сергей АНДРЕЕВСКИЙ Первый снег.....	40
Баштайгы хар.....	41
Николай ЛОМАН Стихотворения в гейневском духе.....	42
Николай ЧИЖОВ Русская песня.....	42
Николай ЛОМАН	
Николай ЧИЖОВ Орус ыры.....	43

П Р О З А

Игорь ПРИНЦЕВ. Живая легенда. Повесть	46
--	----

П О Э З И Я

Николай КУУЛААР. Переводы.....	74
Александр БЛОК	
«О доблестях, о подвигах, о славе...».....	74
«Шырай-арның столумда бөдүүн хоодан...».....	75
Незнакомка.....	76
Танывазым кыс.....	77
Скифы.....	78
Скифтер.....	79
«О да, любовь вольна, как птица...».....	84
«Ийе, шынап, ынакшыл-даа хостуг куш дег...».....	85
«О, я хочу безумно жить...».....	86
«Я — Гамлет. Холодеет кровь...».....	86
«Кедергей-ле, эмин эрттир чурттаксаар мен...».....	87
«Гамлет — мен мен. Кара сагыш четкилерин...».....	87
Николай РУБЦОВ	
Тихая моя родина.....	86
Ыржым топтут төрээн черим.....	87
В горнице.....	88
Өрээлимге.....	89
Выпал снег.....	90
Хар-даа чаапкан.....	91
Ласточка.....	92
Синенький платочек.....	92
Хараачыгай.....	93
Көккүр өңнүг аржыылчыгаш.....	93
Аленький цветок.....	94
Улетели листья.....	94
Зачем?.....	94
Кып-кызыл чечекчигеш.....	95
Бүрү хоюп, ужа берген.....	95
Чүгө?.....	95
Юрий КУЗНЕЦОВ	
«Огонь — отец...».....	96
«Адазы — от...».....	97
«Ты чужие слова повторяла...».....	98
«За сияние севера я не отдам...».....	98
«Я в жизни только раз сказал «люблю»...».....	98
«Өске кижии сөстөрүн сен катаптадың...».....	99
«Шолбанналган карактарың сыгыр-даа бол...».....	99

«Чүдөрөнчиг улуургалым арта баскаш...».....	99
Востоку.....	100
«Слезы текучие, слезы мигучие...».....	100
Тень Низами.....	100
Чөөн чүкке.....	101
«Агыычал бо, чивеңнээчел карак чажы...».....	101
Низаминиң хөлегези.....	101
Елена.....	102
Элена.....	103
Владимир СОКОЛОВ Первый снег.....	104
Баштайгы хар.....	105
Галина ПРИНЦЕВА «Шиповник цвел...».....	110
Инна ПРИНЦЕВА «Посмотри — сквозь меня видно речку и луг...».....	110
Галина ПРИНЦЕВА «Ыт-кады частып келген...».....	111
Инна ПРИНЦЕВА «Чырык хүнге шондуруккаш, өтүр көстүр болу бердим...».....	111
Юрий ВОТЯКОВ	
«Откружились долгих девять лет...».....	112
«Улуг-Хемниң чалгыы болуп чайтылажып...».....	113
«Не у юрты...».....	114
«Аккыр өөмге хорувадым...».....	115
Евгений АНТУФЬЕВ След.....	114
Ис.....	115

П Р О З А

Нина ЧЫРГАЛ. Лошадь и девочка. <i>Повесть</i>	116
--	-----

П О Э З И Я

Черлиг-оол КУУЛААР. <i>Переводы</i>	130
Николай РУБЦОВ	
Про зайца.....	130
Коза.....	130
Койгун дугайында.....	131
Өшкү.....	131
Медведь.....	132
Воробей.....	132
Ворона.....	132
Адыг.....	133

Бора-хөкпеш.....	133
Каарган.....	133
Сентябрь.....	134
Первый снег.....	134
Сентябрь.....	135
Баштайгы хар.....	135
Во время грозы.....	136
Не пришла.....	136
Диңмирээшкин үезинде.....	137
Келбейн бардың.....	137
«А дуба нет...».....	140
В городе.....	140
Весна на берегу Бии.....	140
«А дуб чогул...».....	141
Хоорайга.....	141
Бииниң эриинде час.....	141

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО, ИСТОРИЯ

Елена ОСЛИНА. Мотивы лирики Сергея Пюрбю.....	144
---	-----

Литературно-художественное издание
«УЛУГ-ХЕМ»

Редактор выпуска: **Э.Б. Мижит**
Верстка: **А.Э. Мижит**
Корректор: **А.А. Кужугет**

Журнал отпечатан в типографии ООО «Кооператив «Журналист»,
Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Советская, 71.
Сдано в набор 27.09.2014 г. Подписано в печать 13.10.2014 г.
Свободная цена.

ГАУ «Редакция журнала «Улуг-Хем».
667000, г. Кызыл, ул. Щетинкина и Кравченко, 57.
Формат 70/100^{1/16} Физ. печ. л. 10,5. Тираж 400 экз.

